Елена Котова
Третье яблоко Ньютона

Елена Викторовна Котова

Третье яблоко Ньютона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3940115
Елена Котова. Третье яблоко Ньютона: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-41958-4

Аннотация

Варя возглавляет русский офис международного Инвестбанка. Она энергично бьется за интересы России. Москва намечает выдвинуть ее на один из ключевых постов в банке. Запад не устраивает, что Россия «слишком широко шагает», и решает «замутить» против Вари дело, которое, начавшись как внутрибанковское расследование нарушений корпоративной этики, превращается в уголовное преследование. Варю обвиняют в коррупции в международном масштабе. Лондонские друзья подыскивают ей известного адвоката, который, к сожалению, не находит ни Варю, ни ее историю интересными для себя. Однако дело разрастается и раскручивается – слежка, прослушка, убийство, – все это заставляет адвоката изменить свое отношение к Варе...

Содержание

Пролог 4
Глава 1 7
Глава 2 18
Глава 3 26
Глава 4 34
Глава 5 49
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Елена Котова
Третье яблоко Ньютона

В природе никогда не бывает одностороннего действия одного тела на другое, между телами всегда возникает взаимодействие.
Вольное толкование третьего закона английского физика Исаака Ньютона

Пролог

Штаб-квартира ЦРУ,
Лэнгли, штат Вирджиния

Совещание секции Восточной Европы и стран СНГ начиналось в девять. С картонным стаканчиком кофе без кофеина и бейглом в пакетике Эндрю выбрался из «мазды», свободной рукой вытащил из кармана и нацепил на шею пластиковую карточку-пропуск, ID, и направился к входу. Thanks God, it's Friday, завтра с сыновьями они поедут пострелять в тир, а вечером жена устраивает барбекю для соседей. Уже пора газоны подкармливать после зимы, снег стаял. Надо сказать жене, чтобы вызвала садовников.

Подогрев бейгл в микроволновке, стоявшей в коридоре, он сел за стол и стал неспешно намазывать на него cream cheese, пока сотрудники подтягивались к нему в кабинет.

– Ну что, ребята, не зря потратили три дня?

– Разрешите, доложу по порядку?

– Fire it up. – Эндрю откинулся на спинку кресла, взглянув в окно на зеленые лужайки Лэнгли, на разгорающийся весенний день.

– Все три согласованные встречи состоялись, но сначала справка: ведь мы держали ее на наших радарах с начала девяностых. Вот список, с кем она общалась в те годы: Генри Киссинджер, Джеймс Бейкер, Памела Гарриман, Билл Мариотт...

– Давай ближе к делу.

– Когда работала тут, в Вашингтоне, – ничего особенного, если не считать скандала с займом Всемирного банка, ну, где двое наших спалились на фондовом рынке в Москве в девяносто седьмом. Тогда ГАО[1] весь банк перетряс, но она слишком низко сидела, ее это не коснулось. Вплотную мы занялись ею с полгода назад, когда из Инвестбанка, из Лондона, пошла информация, что больно круто она стала забирать, проталкивая русские интересы. В этом же банке куча-мала, от Албании до Австралии, черт ногу сломит, вот она и лавирует там, сталкивает интересы, сформировала кружок подпевал, приобрела авторитет. К нам эта информация поступала как от американского офиса, так и от «Марты», нашего агента в банке. «Марта» под нее рыла уже несколько лет, на всякий случай, до такой степени она раз-

[1] GAO – General Accounting Office, в 2004 г. переименованный в Government Accountability Office (видимо, чтобы ничего не менять), – служба оценки эффективности публичных расходов и следственный орган Конгресса США. Его конституционная ответственность – повышать подотчетность федерального правительства на благо американского народа. ГАО называют «цепным псом Конгресса» и «лучшим другом налогоплательщика», примерно как российскую Государственную Счетную палату. В 1997 г. ГАО разбирался в судьбе одного займа, выданного России Всемирным банком. Его выдавали так долго, что российская приватизация, для поддержки которой он был предназначен, успела закончиться, а деньги – 48 млн долларов – остались. На основании ксерокопии письма тогдашнего премьера России В.Черномырдина менеджмент Всемирного банка перенаправил средства на развитие фондового рынка в России. Через полгода ГАО недоумевал, почему при этом были нарушены все процедуры Всемирного банка и почему не было обнаружено следов предоставленной поддержки на фондовом рынке России, зато выяснилось, что средства так или иначе осели в компании с выразительным названием «Паллада». Ею владели американские граждане Шляйфер и Хей, ранее присланные в Россию США на деньги US AID, т. е. налогоплательщиков, именно для поддержки приватизации. (*Прим. авт.*)

дражает, даже пугает президента Инвестбанка. А уж теперь, когда русские хотят посадить ее на позицию вице-президента, он вообще в панике от такой перспективы. Он-то сам полная тряпка, в отличие от нее. Мы русским пока пообещали, что поддержим, но посмотрели на эту даму собственными глазами и решили, что нам это ни к чему. Тут наши интересы с президентом Инвестбанка совпали.

– Только из-за своего бесконечного терпения я тебе еще не врезал! Тут амнезией никто не страдает. Можешь внятно и кратко изложить, что эта Варвара делала в Вашингтоне и каковы наши действия? Кстати, она Варвара или Барбара?

– По-русски Варвара, но все ее зовут на американский манер Барбара... В Казначействе они мило поговорили, там ребята ее еще со старых времен знали. По сути, она поставила вопрос: вы с нами или с европейцами? Не в лоб, конечно. Об Инвестбанке рассуждала: давайте, дескать, заставим его делать, что положено, а не то, что хотят европейцы, у них иные интересы, а у нас с вами они общие. Какой, дескать, для наших обеих стран смысл в том, что банк качает деньги в страны вокруг ЕС? Наши даже не нашлись, что ответить, разве что признать, что нам в Россию деньги качать еще больше неохота, чем в Европу. Да и не будем мы из-за этого сраного банка с Европой цапаться. А она прошлась по всем задачам банка, доказывая, как Америка и Россия по всем направлениям заинтересованы работать рука об руку. Всех поставила в раскоряку. Вот интересно, сама подготовилась или в Москве ей все написали? Потом встреча в Госдепе с...

– Читал запись, оценки давай...

– Анна из Госдепа, кстати, считает, что сама подготовилась. Был ряд нетематических вопросов, от которых она ловко уходила. Про кризис еврозоны, например.

На следующий день к Барбаре в отель прибежал сам Джек, ему же от Белого дома только дорогу перейти. Они так и условились, за кофейком неформально у нее в отеле посидеть. Джек ее послушал и вообще обалдел. Она так с улыбочкой ему: где, мол, видано, чтобы в международном банке, у которого Россия – главный клиент, она не имела бы своего человека на самом верху? Взяла Джека буквально за горло: вы, американцы, вместе с японцами и с Россией должны поставить вопрос на «восьмерке», причем на ближайшем заседании в Оттаве, что позицию, которая сейчас разыгрывается, надо отдать России, а потом договориться, что в принципе у России в Инвестбанке эта или аналогичная позиция должна быть постоянно. Заодно на таком безобидном поле подкрепите делом декларации о перезагрузке. Как это вместе вяжется, я не очень понимаю, но Джек говорит, там разводок и подтекстов было полно. Крайне далеко идущих.

– Вот с Джека мог бы сразу и начать. Обалдел, значит? Это о многом говорит, он парень ушлый.

– Он сразу после разговора с Барбарой обратно в Администрацию побежал доложить. Они день думали, а сегодня он мне сообщил, что на верху мнение такое: надо гасить. В Госдепе тоже. Но мы, Лэнгли, должны предложить план операции и взять все риски исполнения. Чтобы без неконтролируемых международных скандалов.

– Как всегда, мы должны сами все придумать и потом за все ответить... А эти там будут в телевизорах взасос целоваться.

– Я бы хотел выразить свое мнение, – в разговор вступил начальник стратегической группы секции. – Сложно не придумать, а реализовать. У европейцев собственные интересы, а они как-никак этот банк держат в своих руках и крутят им в интересах Евросоюза. Под нашу дуду они петь не будут, а могут и просто в перпендикуляр пойти. Про англичан уже и не говорю. Ничего, кроме подлянок с той стороны пруда, ждать нельзя. Это первое. Второе: а какова конечная цель? Убить – задача не стоит, хотя, по мне, так это проще всего. Посадить? Муторно, работы года на три, а что мы этим покажем? Что в России все коррумпированы? Или что все – агенты? Вот новость-то! Да, эта Барбара неприятная особа, со стратегическими

претензиями. Если сейчас дать ей ход, русские еще куда-то смогут ее продвинуть и вообще почувствуют себя вправе агрессивнее проталкивать своих. Согласен, лучше погасить. Но это же не может быть конечной задачей – все затевать ради одного человека. Что мы должны и можем иметь в результате?

– Замысел, конечно, должен идти по линии коррупции, это процесс долгий, тлеющий, в который время от времени подливается новое масло. И пусть этот процесс как облако непонятного дыма висит в атмосфере. Что мы будем иметь? Во-первых, русские утихнут. Они в последние годы как-то активизировались по внедрению своих людей то в ООН, то еще в этом, как его, ну, в Женеве... забыл, fuck, не суть. Если сейчас по рукам не дать, они их дальше протянут. Вот пусть они про все эти внедрения забудут навсегда. Это «раз». Дальше. Все уже внедренные и просто их официалы будут сидеть тише воды, ниже травы, а то с ними тоже могут неприятности приключиться. Это «два». Ну, есть еще и «три». Это хороший сигнал, что им вообще надо поскромнее себя вести, а то думают, что они нам ровня, что мы все их интересы должны близко к сердцу принимать. А так думать не надо. По оружию мы вдарили. Русские напуганы до смерти. Сейчас по святому делу помощи недоразвитым странам вдарим. Вот, мол, куда свои грязные щупальца дотянули. Ты мысли стратегически, за что тебе и платят, тут процесс важнее результата. По дороге может и «четыре», и «пять» и так далее всплыть. Олигархи начнут дергаться, кто-то кого-то сдаст, кто-то где-то запалится. Парочка русских чиновников высокого ранга может на этом сгореть, тоже плюс. Я с начальниками Джека согласен: мы сами пока можем даже всего не видеть, но нам главное правильно за ниточки дергать. Так что первый вариант плана мне на стол, скажем, в понедельник. Неделю погоняем, потом отправим в Госдеп.

– Ясно. Пошел ставить задачу «Марте».

– Только после утверждения плана. Тем более что «Марту» надо подпереть нашими ресурсами, но как бы со стороны. Идеальный кандидат – Шуберт. Что уставился? Не знаешь, что ли, что он на днях из ФБР в юридическую фирму «Питер, Шварц и Рабинович» переходит?

– Как же я ненавижу эту знаменитость! На чем имя в ФБР сделал, сволочь? На наших костях, на всем материале, что мы им и вбрасывали. Он только допрашивать умеет по готовому материалу, больше ни на что не способен. Допрашивал и допрашивал год за годом, на форумах без конца выступал, в разработке законов участвовал, понимаешь. Имя себе делал, теперь, значит, стране служить надоело, решил в частный сектор податься и по два миллиона в год зарабатывать. На нашем горбу в рай въехал, сволочь.

– Ближе к теме. Для «Марты» Шуберт – идеальный ресурс, понятно почему? Слава богу. Как только он в частный сектор перейдет, сразу можно привлекать. По-моему, для начала вам, мужики, есть материал для работы. Пишите мне сценарий к понедельнику. Ну что, не будем усложнять дело? Назовем простенько: «Операция “Барбара”».

Глава 1
Stairway To Heaven

Мэтью Дарси входил в десятку лучших уголовных адвокатов Британии, хотя ему было лишь сорок пять, что для его профессии возраст почти юный. Пресса называла его «tremendous lawyer adored by clients»[2]. Уже в детстве он решил, что родился для того, чтобы стать лучшим. В чем именно, он еще не знал, бегая в те годы по галечным берегам моря в Кенте. Впрочем, тогда он многого еще не знал. В свои сорок пять Мэтью уже был уверен, что знает все, включая и истину о том, что познание бесконечно. Он радовался жизни, почти как в детстве, считал себя достигшим всего, что хотел тогда, и даже большего. Он любил жизнь и те ее удовольствия, которые за долгие годы сам тщательно отобрал. Главным из них был, пожалуй, именно процесс познания. Без страха, но и без особого любопытства Мэтью смотрел в собственное будущее, про которое ему уже все было ясно, он знал, что он – первый среди равных. Но даже он не представлял, что судьба уготовила ему стать первым среди лучших.

Мэтью родился на изломе времен, почти столь же эпохальном, как падение Римской или Британской империй, но гораздо меньше расцвеченном историками. Излом почти до основания разрушил прежний западный мир иллюзией всеобщей любви и братства, романтикой преодоления насилия и войн, отрицанием лживой и продажной красоты послевоенной американской культуры кока-колы и Голливуда. Замыслить и замутить такое была способна только Англия. Лишь там могла родиться изощренная идея использовать американскую войну во Вьетнаме для подрыва всех устоев.

Англия подожгла мир и воспаленные умы всех имевшихся в этом мире нищих, отрицающих все то, чего у них самих быть не могло, – собственность, богатство, корни, брак. А для пущей веры в святость затеянного пожара – в лучших и умом непостижимых британских традициях – не пожалела для его растопки своей собственной аристократии. Послала на костер всех своих обветшавших лордов и титулованных особ с их нетопленными, непригодными для жизни, каждый век перестраиваемыми все более безобразно замками и бескрайними поместьями, пригодными только для праздных конных охот на красивых несъедобных лис. Доказав миру, что она первая отряхнула прах старого мира со своих ног, Англия свергла американских идолов Мэрилин Монро и Кэри Гранта с их продажной красотой и утвердила на освободившихся пьедесталах идолов собственных, подарив миру Beatles и Led Zeppelin, а в придачу к ним – правда это выяснилось много позже – еще и мальчика Мэтью Дарси, родившегося в то бурное время в Кенте, в доме на берегу моря.

Мэтью не знал, что он дитя революции, и ходил себе в хорошую, бесплатную городскую школу Dane Grammar Court School. Школа славилась изучением языков и в этом смысле была нетипичной для нации, заставившей весь мир говорить на своем языке и сделавшей из этого предмет национальной гордости. Постигая языки, впоследствии все, кроме французского, забытые за ненадобностью, Мэтью Дарси постигал культуру людей, говоривших на них. Постигал он ее так же естественно, как собственный язык, как привычную для всех жителей Кента красоту моря, как родной, снисходительно-терпимый к остальному миру английский снобизм. Больше всего Мэтью любил читать, смотреть на море и драться.

Дом родителей был хоть и большой, но очень тесный, потому что отец Мэтью был коллекционер всего. Отец собирал трубки, тросточки, колоды карт, театральные билеты, монеты, бинокли, перочинные ножички, чернильницы, дверные щеколды и ручки, фигурки

[2] Масштабный юрист, обожаемый клиентами (*англ.*).

сов и будильники. Как-то даже замахнулся было на корзинки для зонтиков, но мама это пресекла, потому что в доме уже было не повернуться. Мама была удивительная. Сначала Мэтью ее просто любил, а когда подрос и в нежном возрасте стал зачитываться французскими романами, то видел маму во всех их героинях. Иногда она напоминала ему мадам Бовари, и тогда сердце Мэтью сжималось страхом утраты ее точеной красоты, которая не может принадлежать лишь ему одному. А порой мама была похожа на бабушку героя книги про Свана, потому что тоже никогда не покупала «ничего такого, из чего нельзя было бы извлечь пищи для ума, особенно такой пищи, которую нам доставляет что-либо прекрасное, учащее нас находить наслаждение не в достижении житейского благополучия и не в утолении тщеславия, а в чем-то другом»[3].

Мэтью не был книжным мальчиком, хоть и много читал. От мамы с ее поэзией и от отца с его безумной страстью коллекционировать все подряд и читать сыну лекции об истории каждого предмета его спасало собственное страшное любопытство и неудержимая любовь к дракам. Не ограничивая себя банальными экспедициями на чердак, он залезал на деревья, на клифы, где было столько непознанного. Оттуда открывались все новые морские пейзажи, скрытые откосы, уходящие вверх, в небо, крутые каменные стены, с едва заметными уступчиками-ступеньками, сделанными природой только для него, Мэтью. Он постоянно падал с клифов, разбивая коленки, локти и лицо до крови. Один раз прошел по крыше собственного дома и упал с конька, сломав руку. Он дрался в школе почти каждый день, потому что знал: он, может, и не самый сильный, но точно самый бесстрашный, умный и коварный и должен каждый день одерживать победы. Мама только плакала и бинтовала раны, заклеивала нос, возила к врачам накладывать швы на подбородок... Когда раны воина приковывали Мэтью к постели, он запоем читал все подряд.

Воспитание чувств отрочества также естественным образом дополнилось первой любовью, как у всех, жгучей и воспаленной, как у всех, совершенно несчастной. Чтение Флобера в тот период его жизни превратило девочку с соседней улицы, которая и старше-то его была на каких-то три года, в мадам Арму, с восхитительно смуглой кожей, чарующим станом и пальцами, просвечивающими на солнце[4]. Когда любовь отболела и отвалилась, как зажившая корка на коленке, Мэтью все еще думал о ней, пока не понял, что сам Флобер ему уже все объяснил: «Стремление обладать ею исчезало перед желанием более глубоким, перед мучительным любопытством, которому не было предела»[5].

Кроме любопытства, Мэтью воспитывало бесстрашие в расширении границ дозволенного и страсть к ежедневным победам, которые он был готов оплачивать кровью и которые укрепляли его дух и душу. Что дух и душа – не одно и то же, он смутно догадывался уже тогда. Мэтью воспитывала красота моря, отраженная в картинах Тернера, и он рано понял, что их красота безлика, ибо нельзя на мертвом полотне отразить самое главное – завораживающую бесконечность ежеминутных перемен. Это воспитание отрочества переплавилось к концу школы в удивившее его родителей твердое намерение стать юристом. Отец со свойственным ему высокомерием коллекционера, познавшего истину, оскорбил Мэтью предположением, что тот просто начитался детективных романов. Мэтью не стал объяснять отцу, что дело не в этом, а в любопытстве и жажде побед. Профессия криминального адвоката манила постоянными битвами, победами и эстетикой процесса познания, холодного и эмоционально отстраненного от познаваемого объекта. Та же игра ума, что и в математике, только вместо цифр – людские судьбы. Именно людские судьбы должны стоять на кону, тогда игра не сможет наскучить. Поэтому проторенная и сытная жизненная дорога защитника бур-

[3] Марсель Пруст. «В поисках утраченного времени». Книга первая «По направлению к Свану».

[4] Гюстав Флобер. «Воспитание чувств», глава 1.

[5] Там же.

жуазной собственности, набивающего карманы крошками чужого богатства, которые как с печенья «Мадлен» падают с клиентских арбитражей, со скандальных слияний и поглощений и других прозаических замыслов, интереса не представляла. Он будет адвокатом уголовным, защищающим только тех, кто обвиняется в финансовых преступлениях. Мир грабителей и бытовых убийц ему не интересен. Совсем иное – поступки талантливых людей, которые добились многого именно потому, что имели ум и бесстрашие постоянно раздвигать границы, в том числе и за пределы, дозволенные консервативными нормами права... Понять таких людей и найти, как защитить их право на незаурядность – в этом была романтика революционера, воина. В чем их пороки, никто не знает – «тот, кто находит их, привнес их сам»[6].

Перед отъездом в Уэльс, в университет, он попытался объяснить это маме. Та в замешательстве сказала, что боится за психику сына. Мэтью за собственную психику не боялся, но он уже научился не отвергать, а использовать мнения людей. Он подумал, что мама, сама того не зная, совсем по-новому объяснила ему его собственную первую любовь. Та девочка с соседней улицы поранила и чуть не погубила душу Мэтью своей магической, романтической силой, потому что эта романтика втягивала его в чужую интенсивную жизнь, которая сводила с ума. А ему просто не нужны чужие интенсивные миры. Они требуют сил, внимания, мешают воспитанию чувств и развитию разума, отвлекают от созидания собственного мира, по отношению к которому вселенная является лишь колонией, поставляющей руду и топливо для его пути по жизни, вверх по бесконечной лестнице познания и побед.

Так в его жизни появилась Мэгги, которая училась с ним в Уэльсе на биологическом факультете. Мэгги готовилась стать агрономом, изучала растения, распоряжалась их жизнью, высаживая по весне рассаду во дворе домика, где снимала квартиру, занималась дизайном соседских садов. На изучение рода человеческого Мэгги не посягала, ей было достаточно знания людей, данного от природы, и того, что ей рассказывал о них Мэтью. Мэтью и Мэгги были счастливы. Мэгги заземляла его, делала более устойчивым и освобождала от обременительного желания искать и познавать других женщин. Они бегали на галерку в театры, вместе искали записи редких исполнений своих любимых оперных арий. Мэгги учила Мэтью играть по пальцам на рояле. Она любила Мэтью еще более страстной любовью, чем растения, но не вторгалась в его внутренний мир. Она просто обожала его, как мужчины обожают то, что невозможно анализировать. Легко, без мучительных разговоров о непонятном, почти как мужчина, Мэгги мирилась с его капризами, со случавшимися переменами настроений, с эгоизмом, приобретавшим с каждым годом все большую утонченность.

– Мэтью, darling, я все думаю и думаю... – даже после двух лет их совместной жизни они с Мэгги с удовольствием предавались послеобеденной, долгой и жаркой любви, от которой они сейчас приходили в себя, лежа воскресным днем на просторной кровати в пропеченной летним солнцем спальне. Из соседней комнаты доносилась музыка. «Hey Jude, don't be afraid, you were made to go out and get her...»[7]. – Ты конечно же должен ехать летом в Лондон. Я вижу тебя через пять лет в шикарном офисе на Чансери лэйн[8]. А что мне делать в Лондоне, ума не приложу.

---

[6] Из письма Оскара Уайльда редактору «Скотс обсервер» (1890 г.) по поводу романа «Портрет Дориана Грея».

[7] Hey Jude, The Beatles. 1968. (*Прим. авт.*)

[8] Chancery Lane – юридический район в Лондоне. Сначала он был не чем иным, как дорогой, проложенной рыцарями ордена тамплиеров в 1161 г. к их храму Old Temple. В XIII веке появились Middle Temple и Inner Temple, то есть срединный и внутренний храмы. Это было уже при Госпитальерах, которые так и не решили, различать ли им храмы по времени или по местоположению, что и породило великую путаницу. Крайне важно не путать зону Temple с Wider Temple и помнить, что западная часть Wider Temple принадлежала графу Эссекскому, Earl of Essex, который основал эссекский суд, Essex Court, по сей день расположенный в Middle Temple. В то время как восточная часть стала-таки одним из двадцати пяти районов Сити, хотя ее управление имело особенности, ибо она была фактически (но не юридически) отдана сэру Фэррингтону, бывшему при Эдуарде II лорд-мэром большого Лондона, включая Сити. Таким образом, со времен Средневековья весь анклав Temple живет своей противоречивой и казуистической иерархией, а проникнуть на его территорию и по сей день

– Ну, ты можешь преподавать, например.

– Могу. Но там же нет природы... Где мне найти поля, грядки. Глупо так говорить, наверное. Но ведь растения, Мэтью, не менее интересны, чем люди. Это как музыка. Дуракам кажется, что я просто фермер. Может, так оно и есть. Фермер, который ходит по полям, пачкает руки в навозе, выращивает эти стебельки, делая это с каждым годом все лучше. Но ведь ты же не можешь быть сельским адвокатом. А я не могу жить в Лондоне. Я думаю об этом постоянно, схожу с ума от этих мыслей и не нахожу решения.

– Оно придет... Смотри, солнце садится за окном. А мы такие старые, два консерватора, все слушаем Beatles... Тебе нравится диско?

– Не-а. Мне нравится итальянская опера.

– И «Лунная соната», да? Сомнамбулически и старомодно. Мне тоже. Вот я и говорю, что-то мы отстаем от жизни. Пойду, поменяю кассету.

– Поставь Led Zeppelin. Я думаю, это станет как Моцарт лет через двадцать. Лучшая песня английского рока.

– There's a lady who's sure, All that glitters is gold. And she's buying a stairway to heaven... А ты сама золото, ты будешь ходить по полям и выращивать растения... Я хочу тебя, иди ко мне...

– Погоди, погоди. Ты тоже не будешь покупать золотую лестницу в небо, а сделаешь ее сам... Только я все-таки не понимаю, как мы будем дальше вместе жить, и это меня мучает.

– Не мучайся, Мэгги, мы всегда будем вместе. Все это условности. Их придумали люди, у которых нет intellectual wit, им нужно ежедневно есть за одним столом и держать зубные щетки в одном стаканчике, чтобы значить что-то друг для друга. У нас все будет по-другому. Иди ко мне...

У них с Мэгги было много друзей. Мэтью повзрослел в университете, перестал быть драчуном и задирой, стал чутким и понимающим. Чтобы познать человека, надо уметь расположить его к себе, чтобы он доверился и повернулся к тебе своей лучшей стороной. Это требует подлинного, не напускного интереса к человеку и порой участия в его жизни. Когда Мэтью Дарси это понял, друзья стали поверять ему свои любовные истории и размышления о будущей жизни. Мэтью уехал в Лондон. Мэгги осталась в Кардиффе и часто приезжала к нему в гости. Он поселился в восточной части Лондона. Там было дешево и близко до работы. Его первый подзащитный всю жизнь жил на две страны, в Англии и в США, а налоги платил творчески... В общем, Мэтью все так примерно и представлял себе, когда размышлял в Кенте о будущей карьере.

Два его друга по университету тоже обосновались в Лондоне. Один стал инженером в концерне Rio Tinto и работал в конструкторском бюро в Вестминстере, в штаб-квартире этого алюминиевого гиганта, другой, как водится, управлял какими-то хеджфондами на Баркли-сквер. Оба на удивление рано женились. Когда Мэгги приезжала в Лондон, их большая и веселая стайка ходила в Сохо, сидела по ночам в пабах. Они с Мэгги покупали билеты на галерки лондонских театров.

могут лишь те, кто знает один маленький проулок с калиткой. Служители Фемиды еще при тамплиерах осознали, что этот район им послан господом богом, и, когда тех изгнали, их стряпчие не только не сгинули, но продолжали плодиться. Вся территория Temple, в том числе и Chancery Lane, а также часть примыкающего к ним Стрэнда (Strand) заполнена конторами высококвалифицированных адвокатов (solicitors) и барристеров (barristers), которые представляют и защищают в судах дела, подготовленные адвокатами «низших звеньев». Здесь также окопались юристы по сделкам с недвижимостью (conveyance lawyers), не говоря уже о судьях, judges. При этом solicitors и conveyance lawyers сидят в обычных конторах, а barristers и judges – в chambers, то есть в палатах. Это разнородное сословье от юриспруденции вытеснило из района Temple гражданское мирное население, сохранив лишь – кстати, именно на Chancery Lane – самую старую мастерскую портных Лондона Ede and Ravenscroft, которые еще в 1689 году поняли долговечность бизнеса по пошиву костюмов для многоликой юридической касты. Поэтому можно понять Мэгги, которая мечтала, чтобы ее Мэтью попал в этот рай. (*Прим. авт.*)

Через пару лет Мэтью пришлось уехать в Нью-Йорк, в американский офис компании, где он работал. Он жил в крошечной квартирке на Лексингтон-авеню, окна его спальни упирались в стену соседнего дома. Ему было на это наплевать, он работал сутками. Мэтью не назвал бы себя трудоголиком, но в ту пору он считал, что обязан выиграть каждое дело, за которое брался. Хоть он и падал иногда от усталости, но справедливо считал себя избранным, поскольку был волен заниматься тем, что ему нравилось, при этом не он платил деньги за удовольствие, а ему. Для него стало привычным и отрадным состояние сибарита, который трудится лишь для остроты ощущений победы, для того, чтобы, выйдя ранним субботним вечером на прогулку в Central Park, острее ощутить запахи, прийти в изумление от вида желто-красно-коричневого ковра осенних листьев на все еще зеленой траве. Архитектура Нью-Йорка, коллекции Метрополитен-музея и Музея современного искусства, MoMA, заменяли ему секс, который был главной отрадой лишь на очень коротком отрезке жизни, там, в Уэльсе, с Мэгги.

Поздней осенью, когда в Англии поля и растения уже готовились ко сну, Мэгги приехала провести с ним отпуск. Он поразился, насколько, оказывается, забыл ее, и тому, что она столь отлична от американских девушек, ежедневно гомонивших вокруг него на улицах, в магазинах, в ресторанах. Английские девушки казались по сравнению с ними неухоженными, угловатыми и старомодными, но он все равно любил Мэгги. У Мэтью наклюнулся было роман с одной нью-йоркской юристкой, но она оттолкнула его своими целеустремленными глазами, американской агрессивной экспрессией и ироничной самоуверенностью, прикрывающей нью-йоркские комплексы. Ему нравилось в американках то, что они до сорока не заводят семью, но не нравились причины, по которым они это делают. Ему нравилось, что они не хотят детей, но не нравилось, что они ищут мужчину, который будет считаться с их карьерой. Мэгги была несравненно лучше. В том, что ей не нужны дети, ее убедила жизнь с Мэтью, а ее карьера не требовала от него жертв. Она была естественна как поля, с которых она приезжала, как музыка «Лунной сонаты». Они лежали в его каморке на Лексингтон-авеню и слушали Revolution Джона Леннона. Был конец восьмидесятых. Нью-Йорк восторгался Вуди Алленом, а им обоим не нравились его фильмы, кишащие невротиками, сошедшими с ума в этом сошедшем с ума городе, занятыми копанием в собственных невоспитанных чувствах и распущенной психике и считающими это занятие значительным и духовным. Причем они даже не имеют мужества делать это в одиночестве, а навязывают каждому свою вывернутую наизнанку душу. Нет в этом эстетики, только безумный Нью-Йорк мог породить такое явление и вырастить его практически в общественную силу. Благополучие без корней и без многовековой культуры. Люди носятся с собой в бешеном ритме города по расплавленному от жары асфальту, не посадив ни одного дерева, не взрастив многолетним трудом ни одного сада. Нация, убившая Джона Леннона и считающая, что это тоже сойдет ей с рук...

Душа и дух, кстати, действительно не одно и то же.

Потом было еще несколько лет в Лондоне. Оба женившихся друга внезапно и тоже почти одновременно обзавелись первенцами. Тогда Мэтью и Мэгги в первый раз стали крестными родителями. Мэтью восхищался своими друзьями, их отвагой неофитов. Еще не познали себя, а уже решились нести ответственность за жизнь нового человека. Сам Мэтью к этому был совершенно не готов. Ему вполне хватало тепла семейных очагов друзей. Он любил их искренне и всегда приходил к ним с подарками. Он погружался в их проблемы, щедро дарил им сочувствие и участие, взамен познавая их миры, греясь у их очагов. Уходя и закрывая за собой дверь чужой жизни, он с удовольствием возвращался к самодостаточному одиночеству, к книгам, работе, картинам и музыке.

Мэгги тем временем переехала из Уэльса в Шропшир и стала работать ландшафтным дизайнером. Мэтью считал, что в мире нет более скучного и депрессивного места, чем

Шропшир, и не понимал, как можно там жить, но ему-то там жить было и не надо. Для Мэгги же продажа ее ландшафтного и садоводческого таланта в сельской Англии была делом благодарным. Она ездила по окрестностям, радовалась, что каждый десятый дом окружен ее живой изгородью, а каждый третий живописный паб у дороги украшен ее цветами. Когда Мэгги приезжала в Лондон, то первым делом отправлялась делать маникюр. Потом они с Мэтью обязательно шли в музей и в хороший ресторан. Часто она и приезжала именно тогда, когда в Лондоне открывалась очередная выставка. Или выходил какой-то новый сумасшедший спектакль.

Умение Мэтью сопереживать людям было неподдельным, а шло ли оно от ума или от сердца – какая разница. Понимание боли другого, мук его сомнений – естественная часть процесса познания. Просто самому Мэтью при этом не было больно или мучительно, на все внешнее по отношению к нему, кроме, разумеется, искусства, он смотрел с эмоциональной отстраненностью. Он не считал это недостатком, изъяном души, он просто занимался воспитанием чувств. Sentimental education вовсе не требует наличия дамы бальзаковского возраста, как упрощенно понимают многие эстета Флобера. Человек воспитывает свои чувства сам. Воспитание требует не только строгости, но и любви. Мэтью воспитывал свои чувства с любовью. Если бы он сам переживал то, что переживают его друзья и – уж тем более – его подзащитные, он бы давно сошел с ума или превратился бы в невротика. От актера ведь не требуют подлинных страданий на сцене. В его же, Мэтью, профессии чувства не менее необходимы. Понять подзащитного без сопереживания невозможно. А какую радость приносит совместное творчество, когда ты и клиент мыслите в унисон и один поддерживает вдохновение другого, и в результате рождается произведение искусства – блестящая линия защиты! Более сильные чувства способно породить только искусство. Бродя с Мэгги в обнимку по галереям и сидя с ней на премьерах, Мэтью питал свои чувства самой лучшей пищей.

Дело о нефтетанкере с двойным дном сделало его знаменитым. Долгие годы его подзащитный, нефтяной трейдер, покупал нефть, в основном в Ливии и Венесуэле. Ее заливали в танкеры и везли в Британию или в США. Эми, очаровательная дочь трейдера, конечно же, как все уважающие себя девушки, могла жить только в Нью-Йорке, где она окончила престижный художественный колледж Marymount. Эми терпеть не могла отца, который бросил мать много лет назад, но с удовольствием тратила его деньги, не отказывая себе ни в чем. Отец крутился, содержа две семьи, а танкеры исправно сновали по Атлантическому океану, пока не выяснилось, что ФБР уже скопило многотомное дело. В деле было все: подложные накладные, по которым происходили погрузки по одним объемам и отгрузки по другим, цифры ежегодно застревавших в дне танкеров баррелей, которые продавались налево. Покупатели давали показания и приносили записи бесед. За два года тайного следствия сотрудники отца семейства подписали уйму контрактов с переодетыми полицейскими с вшитыми в лацканы микрофонами и проводами, протянутыми под рубашками. Как говорится, you name it, we have it[9]. Дочь Эми валялась в рыданиях от внезапно вспыхнувшей любви к папе, за которую она принимала страх остаться без его денег.

Работая над папиным кейсом, Мэтью впервые столкнулся с ФБР. На стороне обвинения против него играл Ричард Шуберт, такая же восходящая звезда, как он сам. Они были примерно одного возраста, оба черноволосые, разве что Мэтью ростом чуть повыше, зато Шуберт более коренастый. У обоих за внешней бесстрастностью шла напряженная внутренняя работа мысли, но у Шуберта еще и отчетливо проглядывала страсть, огни которой бушевали в глазах. Он был настолько intense, что он заполнял собой все пространство. Он подавлял измученного папу, которому уже наставил в жизни столько ловушек, что тот только склонял голову под очередным ударом судьбы, когда Шуберт с дьявольской ухмылкой веж-

[9] У нас есть все, что хотите (*англ.*).

ливо предъявлял новую улику. Мэтью смотрел на Шуберта своими серо-голубыми глазами с длинными девичьими ресницами и видел, как Шуберт рисует себе картину схватки в суде. Это только на первый взгляд на лице Шуберта ничего нельзя было прочесть. Огонь страсти в его глазах выдавал уверенность в том, что он бестрепетно положит на обе лопатки и папу, и, главное, папиного английского адвоката с его эстетской отстраненностью и английским снобизмом безразличия к справедливости. Это безразличие к справедливости больше всего-то и возмущало Шуберта, который сражался за правду от имени народа, people. People against papa! За что сражался его английский противник с водянистыми серыми глазами, Шуберту было не понятно, он знал точно лишь одно: без страсти творчество защиты невозможно. И это-то было главным в их схватке с Мэтью.

Мэтью спокойно наблюдал за Шубертом и ждал того момента, когда страсть затмит ему разум, а уверенность в победе усыпит бдительность. Почти два года они с напарником – адвокатом из Нью-Йорка потихоньку разводили руками облака, висящие над папой. Шаг за шагом выяснялось, что папиных собственных подписей на контрактах было раз, два и обчелся и подлинность этих контрактов была очень и очень спорная. Дно в танкере он сам не двигал, это делали специально нанятые люди, причем нанимал и контролировал этих людей не он, а управляющие, которые в компании постоянно менялись, и найти их было практически невозможно. Накладных папа вообще в глаза никогда не видел, а что касается того, что было в налоговой отчетности, – да, обнаружилось много ошибок, но папа же недаром год назад с треском выгнал бухгалтера без выходного пособия...

Победа собственного холодного ума над страстью Шуберта принесла Мэтью Дарси славу, к которой он отнесся спокойно. «All it takes, is to outsmart the policeman, and it is not that bloody difficult[10], – Мэтью вспоминал бешенство в глазах Шуберта, когда в зале суда зачитывали оправдательный приговор папе. – Все так и должно было быть».

На этом нефтяном деле, или, как принято говорить, кейсе, он создал тогда свой собственный первый прецедент в Палате лордов[11] и вошел в Top-10 криминальных защитников Британии по финансовым преступлениям. За годы его слава лишь приобретала все более отточенные грани. Самой сильной стороной адвоката Мэтью Дарси, как считали все, было его умение не доводить дело до суда. Он разваливал его по дороге, цепляясь ко всем процессуальным основаниям, доказывая неотносимость к делу улик, собранных обвинением. Он заматывал в переписке следователей, которые совершали ошибки и клали на бумагу глупости, отвечая на вежливо-коварные письма адвоката Дарси, и тот через много ходов ломал построения следствия. Мэтью порхал без интеллектуального надрыва над полями всех известных уголовных дел, связанных со взятками, мошенничеством и отмыванием денег, помнил их обстоятельства и особенности правоприменения. Он дружил со всеми барристерами, знал, кого из них выбрать себе в партнеры в зависимости от особенностей оче-

[10] Всего-то требуется быть умнее полицейского, а это не так уж трудно (*англ.*).

[11] Судом высшей инстанции в Англии и Уэльсе с незапамятных времен была Палата лордов. Именно там и творилось создание прецедентов. Время от времени эта высшая инстанция выносила странное решение, которое совершенно не вытекало из норм права, интерпретаций их применения и процессуальных норм применения этих норм (права). Но так казалось лишь судам низших инстанций (Высокий суд, суд Короны, Апелляционный суд), но не лордам-законникам, которые свое странное решение называли красивым словом «прецедент» и объявляли его обязательным для применения в последующих разбирательствах с похожими фактами. Прецеденты, как и все в Англии, не утрачивают силу, то есть странные решения вековой давности продолжают применяться в разбирательствах с похожими фактами. А все из-за того, что целью развития английского права на ранних этапах было создание системы, которая совмещала бы в себе однозначное толкование закона и предсказуемость исходов судебных разбирательств. Достижению этой благой цели *в тот период* препятствовала некомпетентность и предвзятость судей, которые зачастую получали свою должность за счет положения в обществе. Потом-то это, конечно, прошло, теперь такого быть не может. Но процессуальный принцип stare decisis, закрепивший главенство прецедента, уже укрепился, и с этим ничего не поделаешь. Так англичане и живут. Лордам, правда, надоело оценивать похожесть и непохожесть фактов бытовых убийств, например, в XVIII веке и сегодня. Поэтому с 2005 г. лорды решили проблему одним махом и просто спихнули создание прецедентов в Верховный суд. Так что, если кому надо создать прецедент, он знает, куда обращаться. (*Прим. авт.*)

редного кейса. Был членом всех лучших обществ и коллегий, относился к их выбору придирчиво, а осчастливив своим участием очередной профсоюз, появлялся на его заседаниях крайне редко, но всегда оставлял приятное, надолго запоминающееся впечатление.

Мэгги не то чтобы уходила с годами на второй план, просто ее пространство в его мире с каждым годом чуточку съеживалось, совсем неощутимо, что не приносило им обоим не только боли, но, пожалуй, даже и неудобств. Теперь она работала в Саффолке региональным биоконтролером, отвечая за урожай картофеля для чипсов «Макдоналдса». Головной офис «Макдоналдса» был в Лондоне, на Финчли-роуд, что и послужило главным фактором ее решения о смене работы. Мэгги сражалась за свою жизнь рядом с Мэтью.

По случайному совпадению именно в этот период Мэтью купил очаровательный домик в Сассексе – такой, о каком всегда мечтал. Домик был крохотный, Мэтью, не надрываясь, перестроил его, расширив гостиную так, чтобы сделать более выразительным главное очарование комнаты – старинный огромный камин. Они с Мэгги наслаждались домом, Мэтью любил, выспавшись в воскресенье, выйти на крыльцо, сесть в кресло и просто дышать воздухом, наслаждаться тишиной, смотреть на кроны деревьев, за которыми угадывалось море. Мэгги разбила вокруг дома новый сад, копалась в нем целыми днями, иногда привозя рассаду из своего Саффолка. Мэтью любовался Мэгги, сидя в кресле на крыльце, восхищался ею: на жаре, под солнцем, она часами ковырялась в грядках. Однажды, вся взмокнув от работы, Мэгги подняла на него голову:

– А ты не хочешь мне помочь?

– Не хочу.

– Почему?

– Не хочу, чтобы это стало моей обязанностью. Боюсь, что тогда я смогу сначала разлюбить этот дом, а потом тебя.

И дом, и сад Мэтью доставляли Мэгги огромную радость, только она никак не могла понять, где ей все-таки жить. Она разрывалась между Саффолком и Лондоном, а в Лондоне – между квартирой Мэтью в Сазерк, на правом берегу Темзы, и Сассексом, куда Мэтью все чаще норовил удрать еще в четверг, чтобы работать там в пятницу. Он любил, когда Мэгги ездила с ним, но не расстраивался, если она говорила «нет», потому что понимал: ей тоже надо иметь хоть какое-то время на себя, на этот маникюр, в конце концов. Мэгги уставала, выяснилось, что у нее тоже есть нервы, которые от природы ей, истинной сельской девушке, казалось, были несвойственны. С женскими нервами Мэтью тогда сам столкнулся впервые, хотя не раз глубоко сопереживал своим друзьям, которые с ними сталкивались уже изрядное количество лет. Этим новым опытом Мэтью оказался неприятно поражен. Он как-то даже перестал принуждать Мэгги сопровождать его в Сассекс. Он оберегал Мэгги, не требовал от нее сопереживания и участия в его жизни.

Именно в это время пришел его звездный час: он добился оправдательного приговора в отношении двух своих подзащитных, которые в ходе следствия уже признали свою вину. Он же доказал, что преследовавшая их налоговая служба превысила свои полномочия в ходе предварительного дознания. Дело было настолько необычным, что снова потребовало похода по ступенькам судов до Палаты лордов, где он создал прецедент, который в кругах адвокатов и лордов-законников получил название «прецедент Дарси».

Неделю его имя не сходило с передовиц газет, журналисты ломились за интервью. Мэтью так устал, что предоставил собственную славу жить своей жизнью, а сам, схватив в охапку Мэгги, улетел на неделю на Мальдивы заниматься еще одним любимым делом – подводным плаванием, познанием обитателей морского дна и их мира. Мэгги блаженствовала под тентом из бамбука их пятизвездочного островка-отеля «Хилтон». Мэтью вылезал на сушу, стаскивал акваланг и, продрогший до синевы, растягивался на горячем шезлонге. Он так уставал, что не мог толком и разговаривать с Мэгги. Даже классическая музыка каза-

лась ему чересчур интенсивной. Снова, как в юности, они погрузились в мир Beatles, Led Zeppelin, Rolling Stones, Pink Floyd... Великая английская музыка...

There's a feeling I get when I look to the west
And my spirit is crying for leaving
In my thoughts I have seen rings of smoke through the trees
And the voices of those who stand looking
Ooh, it makes me wonder...[12]

Мэтью думал о том, сколь обманчивы бывают мысли. «Sometimes all of our thoughts are misleading...» Все прошедшие шестнадцать лет он знал, что, хоть и идет по своей лестнице совсем один, потому что толпой по ней не ходят, но Мэгги где-то рядом, то ли сбоку, то ли снизу, парит себе в воздухе. Видя себя в мыслях уходящим за горизонт, он ощущал где-то неподалеку и ее присутствие. И вдруг тут, на Мальдивах, под солнцем, с трудом заставив свой мозг перестать работать и пустив мысли в свободное плавание по океану, он вдруг увидел, что Мэгги рядом нет. То ли воздух стал для нее слишком разреженным и ей нечем стало дышать, то ли ее поля слишком отдалились от его неба, то ли еще что...

Мэгги лежала на соседнем шезлонге, слушала музыку, чувствовала его мысли, как всегда. Она так сильно любила его все эти годы, что, в сущности, никогда не думала о себе самой, она растила жизнь Мэтью, как сад, все эти годы, теперь сад вырос, расцвел, тянулся к солнцу и небу. Ей было уже давно неуютно в этом разросшемся саду, но на Мальдивах она увидела, что ее неуют стал понятен и Мэтью. Ей некого было винить в этом, кроме самой себя. Через неделю они вернулись в Лондон.

– Я так запустила работу, Мэтью, просто страшно, что я там увижу, одни сорняки. Наверное, я не смогу приехать в Лондон в конце недели, хочу за выходные все подогнать. Тем более мы так хорошо сейчас отдохнули.

– Да? Конечно, делай, как тебе лучше.

– Боюсь, что и за две недели не сумею вырваться. Ты сам, наверное, тоже не сможешь приехать в Саффолк?

– Увы, мне тоже надо нагонять. Приезжай хоть к концу месяца на выходные в Сассекс. Хотя это еще так далеко, что трудно загадывать.

– Вот именно. Ты и сам-то еще своих планов толком не знаешь.

Мэгги приехала только через месяц, когда Мэтью случайно решил не ехать в Сассекс на уик-энд. Он был рад Мэгги, но усталость брала свое, и большую часть выходных он просто проспал. Мэгги сказала, что больше не может разрываться между Финчли-роуд и полями. Мэтью искренне старался найти приемлемое для обоих решение. Но Мэгги все же не выдержала, дала волю своим разгулявшимся нервам и назвала его манипулятором. Он не обиделся на нее, как не обижался на клиентов, когда те под горячую руку говорили глупости. Мэгги уехала к своим полям, приехала к нему на выходные еще через полтора месяца, а потом, уехав, больше уже не возвращалась.

С год Мэтью жил один, открывая в этом ранее не ведомые ему прелести. Он часто думал о Мэгги, о том, как ей живется без него. Мэгги правильно сделала, что ушла. Они просто выросли из их отношений, как вырастают из одежды. Это сравнение было банально, но оно не делалось от этого менее правдивым. Мэтью работал, возвращался поздно вечером, а по уик-эндам ездил в Сассекс читать и сидеть перед камином с шампанским. Была зима, самое лучшее время для сидения вечерами перед камином. Он как раз в это время увлекся историей костюма. Это не столь экспрессивно, как живопись, но невероятно декора-

[12] Led Zeppelin. Stairways to Heaven (1971).

тивно, так много позволяет понять о людях, о том, какими они видят себя, хотят казаться другим. Через какое-то время в его жизни незаметно возникла Грейс. Постепенно Мэтью забросил свою квартирку в Сазэрке и почти перебрался в дом к Грейс. Перебираться было легко: Мэтью всегда щеголял перед своими друзьями тем, что тратит на одежду фунтов эдак пять в месяц. Он годами ходил в одних и тех же костюмах, его униформой для уик-эндов были самые дешевые джинсы, три спортивных фуфайки и два кашемировых свитера – потолще и потоньше, а спортивные ботинки на толстой подошве прекрасно подходили и к зиме, и к лету. Книги же и пластинки он перетаскивать к Грейс и не собирался, это был его заповедный мир. Да и квартира Грейс в старом георгианском особняке в переулке Кэмдена ему нравилась. Он любил выйти из дома на тихую, старинную улочку, свернуть за угол и тут же оказаться оглушенным визгами, раскатами рока и мотоциклов, запахами мангалов и тайпанов, китчевыми красками этого дикого молодежного района. Лабиринты уличных рынков Кэмдена ошарашивали изобретательностью по производству всякого копеечного, никому не продаваемого дерьма: всех этих фенечек, пирсингов, ремней с заклепками, уродливых байкерских ботинок, париков с лиловыми волосами, раскрашенных рваных маек и паленых дисков. Из Кэмдена было удобно ездить по Северной ветке до работы, но Мэтью не выносил метро. По утрам он вызывал машину по телефону или, в крайнем случае, ловил кэб на улице, пока торговцы дребеденью еще спали.

Грейс после развода с мужем жила с двумя детьми, шести и девяти лет. Наличие детей придавало жизни семейный оттенок – это было уже нечто большее, чем игра со своими крестными детьми, которых у Мэтью уже набралось несметное множество: все его друзья ожидали, что именно он, самый умный, самый тонко сопереживающий друг, должен стать крестным отцом очередного чада. Дети Грейс на неделе жили у отца, потому что Грейс работала и именно она была кормильцем своей бывшей семьи. Мэтью немного сожалел, что не может привозить Грейс с детьми в Сассекс на выходные, дом был для этого слишком мал. Грейс приняла такое положение вещей как condicio sine qua non. Обоих устраивало, что ни одному из них больше не надо ходить в одиночестве на шекспировские премьеры. Они вместе наслаждались открытиями Мэтью Боурна, поставившего балет «Дориан Грей», где столь точно, как это возможно только в балете, передавался духовный мир мужских сердец, любящих друг друга. Когда же Мэтью Боурн поставил «Лебединое озеро», где лебедей танцевали мужчины – не в пачках, конечно, а в хищных белых перьях и с острыми черными блестящими клювами из прядей волос на выбритых головах, – это стало событием в театральной жизни Лондона и в новой жизни Мэтью и Грейс.

По выходным в Сассексе Мэтью смотрел на сад, иногда вспоминал Мэгги, думал о Грейс. К середине жизни мир наконец превратился во вполне стройную систему, потому что Мэтью его создавал таковым. Он читал книги по истории искусства, архитектуры, костюма, отдыхая от расхожих тем, которые в другое время он с готовностью горячо обсуждал с друзьями, например, от политики.

Мэтью считал себя почти диссидентом, голосуя за лейбористов, но не мог серьезно относиться к политике и вполуха слушал, как друзья заходились в спорах о налогах, о справедливой и несправедливой социальной защите. Все эти бюджеты, изменения кабинета, вся описываемая в газетах и обсуждаемая людьми реальность – лишь убогое воплощение идей. Убогое потому, что идея преломляется и искажается беспощадной борьбой интересов людей, в которой нет правил, а есть только выигравшие и проигравшие. Люди меняются ролями, формируют непрочные союзы и вечно воюющие лагеря. Мэтью голосовал не за политику, а за мировоззрение. Он голосовал за Labour Party, а не за Tory не потому, что чего-то ожидал от них, а потому что их идея, хоть и давно ими самими забытая, была ему симпатична. Все-таки он прочно укоренился в том времени, когда срывались оковы, провозглашались лозунги всеобщей любви и братства, хоть он и не застал его в самую горячую пору, а проникся его

идеалами, слушая Led Zeppelin и глядя в Нью-Йорке на здание «Дакота» на западной стороне Central Park, под аркой которого Джон Леннон прошел свои последние в жизни пять шагов.

В одиночестве Сассекса он отрешался от несовершенного мира и погружался в искусство, самую близкую чистому разуму сферу. Искусство – это единственный инструмент, с помощью которого разум управляет миром.

Мэтью не думал, многого он достиг в жизни или нет. Не потому, что у него не было амбиций, а потому что он не сравнивал себя с другими. Придумать и сложить картину, убедить всех, что именно она верно отражает мир – вечная задача концептуалиста. Раздвигать границы реальности – органичный способ существования поистине мыслящего человека. Твой подзащитный превращается в преступника, лишь если тебе не удалось убедить других, что преодоление границ было его естественным выбором, продиктованным в конечном счете интересами общества, членом которого он является. Для того чтобы убедить в этом другого, надо, чтобы тот, другой, тоже имел мозги. Мэтью любил умных следователей и не любил глупых, которые от глупости только разводят суету – результат от этого не изменится, но путь удлинится, «when people are a bit thick, you have to run some extra miles»[13]. А суд присяжных вызывал у него отвращение как институт в целом. Самое нелепое, что могла породить демократия, мутируя из благородной утопической идеи в несуразную, скрипящую машину, неуклюже продвигающуюся по миру. Есть обвинение и есть защита, каждый строит свою картину в состязательном процессе. Дуэль этих изощренных профессионалов может длиться месяцами, чаще годами, картины становятся все более многоплановыми, заполняются новыми фигурами. И вот вердикт дуэли этих творцов выносится двенадцатью случайно собранными слесарями, водителями автобусов и домохозяйками. Как можно было допустить такое попрание здравого смысла?!

Приятные, праздные мысли роскоши отдыха в Сассексе... Процесс познания бесконечен, а жизнь создана для того, чтобы управлять и наслаждаться тем новым, что она вечно подбрасывает.

[13] Когда люди туповаты, приходится бежать несколько лишних миль (*англ., идиом.*).

Глава 2
Жертва пластической операции

В свои пятьдесят с хвостиком Мария была еще очень хороша. Тонкие черты лица, гладкая кожа, отличная фигура, блестящие черные волосы. Одета всегда по-деловому и элегантно. Ничто в жизни не дается просто, за все надо платить. Истину эту она усвоила давно и заплатила за все, созданное для себя, немалую цену. Несколько лет назад решила сделать подтяжку лица. Долго готовилась, придирчиво выбирала, кому довериться. И ведь поехала не куда-нибудь, а в Бразилию, – там, как известно, самая лучшая школа, всех швейцарцев за пояс заткнет. Нашла светилу, и что вышло? Кожу, конечно, натянули, выровняли, ни одной морщинки, но угол рта куда-то в сторону и вверх съехал, поэтому один глаз теперь всегда со странноватым прищуром. Еще за два-три шага – просто красотка, а как в лицо взглянешь, не по себе становится. Это, конечно, была очень жестокая цена. Как могла жизнь обойтись с ней настолько несправедливо!

Мария поначалу так страдала от внезапно перекосившегося лица, что стала комплексовать, избегать разговоров тет-а-тет, а то и встреч, стараясь ограничиваться перепиской и телефоном. Но постепенно успокоилась, сделав вывод, что раз лицо поменять невозможно, то надо немного изменить стиль работы. Теперь она все больше упирала на совещания, доклады, выступления на конференциях, где тебе прямо в лицо не смотрят. По крайней мере, непрерывно. Неформальных, задушевных, так сказать, бесед избегала. Но и это можно повернуть в правильную сторону: она всегда на людях, в кулуарные договоренности не вступает. У нее все открыто, официально, все по букве и духу правил и процедур, которые она и обязана блюсти. Ее офис внутренней корпоративной этики – это святая святых. Там, если надо, всех на чистую воду выводят. И если правильно поставить дело, перекошенный рот и злобно прищуренный глаз этому отнюдь не помеха, а помощь.

– Привет, это я, – раздался в трубке ее мобильного телефона мужской голос, который она узнавала с первой ноты разговора на протяжении последних лет. Этот голос давно стал родным и близким.

– Ты когда будешь на континенте?

– Когда нужно?

– В эту пятницу в Париже. Можно и в Женеве в начале следующей недели, то есть в понедельник или во вторник.

– Срочность понятна. Дай сообразить, ради чего ты можешь ехать в Париж. Комиссия ОЭСР?

– Точно.

– Мне это подходит. Всегда есть о чем поговорить с моими бывшими коллегами в ОЭСР. Думаю, что через часок найду решение.

– Значит, договорились. Я тебя в Париже с одним парнем познакомлю. Кстати, Джек его зовут. Как приедешь, набери меня в полдень, он как раз выспится после перелета, и мы вместе отправимся на ланч. Ты остановишься где обычно? Я оставлю у консьержа записку с номером моего местного телефона.

Париж... Это и было место, где они познакомились около семи лет назад. Мария тогда работала в ОЭСР. Вообще-то она всегда мечтала о корпоративной адвокатуре: и когда училась в Нью-Йорке, и когда писала диссертацию в Harward Law School. После Гарварда Мария даже поработала в престижной адвокатской фирме в Техасе. Но столкнулась с реальностью, состоявшей в том, что юристом от бога она не была. Как сказал ей партнер фирмы, «вам,

мисс Гонзалес, не хватает глубины. Процедурно и логически все почти безупречно, но аргументация поверхностная. Остается только надеяться, что с опытом что-то придет».

У Марии хватило ума понять, что дело не во времени. Юридическая казуистика – только на первый взгляд знание законов, их взаимодействия, переплетения. Но это лишь техника. Кроме техники надо выстраивать стратегию ведения дела со множеством развилок, как в шахматной игре. Невозможно заранее предугадать поведение противника, но, как рассуждали партнеры фирмы, собираясь на корпоративные вечеринки, надо уметь постоянно сужать для него коридор возможностей. Мария понимала, о чем они говорят, и считала, что знает, как это применить на практике. Но ей самой было трудно играть в эту игру, она чувствовала, что ее сила была в чем-то ином, только объяснить это коллегам и партнерам никак не удавалось.

Она уехала поработать в Испанию, хотя уже понимала, что в корпоративной адвокатуре многого не добьется. Но в Испании она, по крайней мере, улучшила свое резюме международным опытом. С тем и вернулась в Вашингтон на службу в одно окологосударственное агентство, предоставлявшее финансовую помощь зарубежным соседям. Тут дела пошли лучше, потому что не было конкретики сделок, конфликтов, отношений с клиентами. Она стала понимать, в чем ее сила, что надо двигаться в сторону публичного и международного права, работать в какой-то большой системе, где задачи связаны не с динамичными конкретными, конфликтными процессами, а со статичными, общими, процедурными задачами. Госслужбу с ее мизерной зарплатой она не рассматривала. Наконец подвернулась вакансия в Париже, в Организации экономического сотрудничества и развития. Не слишком высокая должность в комиссии по разработке международных правил регулирования трансграничных сфер экономики. После вашингтонского агентства это было отличным шагом в вырисовывающейся международной карьере.

Три года она билась за место под солнцем, в основном готовя наработки для юристов первого эшелона. Ей нравилось заниматься процедурами. Чтобы их разработать, они постоянно выезжали и готовили case-studies. Разбирали по косточкам различные злоупотребления, скрытые формы мошенничества, серые зоны. Это ей совсем не нравилось, реальность бизнеса ее отпугивала с каждым годом все больше. Ей, с ее родным испанским, конечно, чаще всего доставались кейсы в Латинской Америке, где помощь ОЭСР просто со свистом пролетала непонятно куда, но нередко Мария занималась и корпоративными злоупотреблениями в Европе, освоив для этого с грехом пополам французский. Ей было интереснее не анализировать конкретику, а сводить этот анализ в правила и нормы... Но тут-то и возник тот самый любимый мужчина, которому, как скоро выяснилось, был более интересен Старый Свет, чем Латинская Америка, по которой ЦРУ уже давно ходило, как по собственной спальне. С успехом или нет – вопрос спорный, но это к делу не относится.

С любимым мужчиной Мария познакомилась на одном из международных заседаний. Стив подошел сказать, что знаком с ее наработками, похвалил. На следующий день пригласил на ланч. Еще через пару дней – на ужин. Он консультировал одну государственную структуру США по международно-правовым аспектам. Уезжая, сказал, что вернется через пару недель. Марию он совершенно очаровал. Ее собственный муж сидел безвылазно на службе в Америке, а рот и глаз Марии в то время еще не перекосились. Она подумала, что романтичные свидания в Париже будут приятными не только сами по себе, но могут привести к более приятным приключениям. При третьем визите в Париж Стив сделал ей предложение.

Мария это предложение приняла, хотя романтичным оно было в совершенно ином, чем ей мечталось, смысле. Тем не менее это было предложение, от которого не отказываются, – во всех смыслах. Так она стала агентом ЦРУ «Мартой», заставила себя полюбить европейские case-studies и принялась обильно снабжать Стива и его руководство информацией, а

ее карьера тут же пошла вверх. По мере своего продвижения круг задач Марии-«Марты» расширялся, она готовила для Лэнгли аналитику по всем ключевым международным функционерам европейского региона.

Четыре года спустя ей было предложено перейти в Инвестбанк в Лондоне на должность руководителя Департамента корпоративной этики и комплайенса, то есть внутреннего контроля. Эта работа была куда более масштабной и многоплановой: ни один проект, ни один бенефициар этого проекта, ни одна глубоко спрятанная офшорная компания не проходили мимо Марии-«Марты». Расчленять все по косточкам было ее основной должностной задачей. И не менее важной – вооружать всем ценным из этой информации Стива и его коллег. Она стала для них незаменимой фигурой. Эта незаменимость служила ей щитом, мечом, панцирем и воздушной подушкой, на которой она плавно и уверенно плыла по коридорам банка, улыбаясь коллегам слегка перекошенным ртом.

– Мария, рад видеть. Это Джек, – Стив, как всегда, переходил к делу незамедлительно. Они сидели в маленьком ресторане на авеню Клебер, все трое ели филе миньон, запивая его кока-колой. – Джек – советник из Белого дома. Я думаю, ты понимаешь, что означает его приезд. Поставлена нетривиальная задача на самом высоком уровне. Ты уже много нам сообщала об этой Барбаре, как это – Варваре по-русски, да? Догадываюсь, что тебе она как кость в горле, это в твоих донесениях ясно читается между строк, ха-ха... Эта Барбара была недавно у нас в Вашингтоне.

– Я знаю, слежу за ее командировками.

– Молодец... Джеку она не понравилась, да и всем нам тоже не приглянулась. Задача стоит так: месяца два полной перлюстрации переписки, разговоров, сбор всего, что говорят о ней коллеги. Нужно скомпрометировать ее любой ценой. Каковы перспективы?

– Блестящи. Она сует нос и в политику, и во все детали проектов. У массы менеджеров на нее зуб. Только повороши, все появится. Что будем искать?

– Ну, ясно, не любовников. Коррупцию, конечно.

– Понятно.

– Не надо недооценивать задачу. Тут все должно быть четко, чтобы комар носу не подточил. И настолько естественно, чтобы не только она и не только ее руководство в Москве, но – и это главное – и твой президент ничего не почуял. А то наложит в штаны раньше времени, все застопорит и европейцам настучит. Джек будет лично отслеживать и корректировать все реакции по международному периметру – он сейчас на всех форумах с русскими тусуется. Ты знаешь, куда русские ее двинуть настроились?

– Слышала краем уха.

– Этого достаточно. Наша работа – это наша работа, а тебе задача поставлена предельно конкретно. Хочу подчеркнуть, причем при Джеке, – ты ведешь ее незаметно. Никаких следов. Чтобы даже твои не видели этого сбора, ясно? Картина нужна детальная, чтобы мы правильно определили следующий ход. Когда определим, я тебе задачу уточню. От тебя требуется полная естественность и сыгранность с будущим партнером. Ты ведь недавно в Москве была, на семинаре Русско-американской палаты по борьбе с коррупцией. Мы из-за этого семинара наш сегодняшний разговор на неделю перенесли, хотели, чтобы ты сначала слетала. Кто там тебе больше всего запомнился, ну, кроме твоего старого приятеля по ОЭСР? – Стив сделал паузу, отхлебнул кока-колы и потянулся за зубочисткой. Стал с наслаждением искать в зубах кусочек недоеденного филе. – Вот именно, твой основной содокладчик, Шуберт. Все справки по нему ты получишь, но и сама уже поняла, что это звезда мировой величины, черт бы его побрал. Я-то его считаю недоделанной выскочкой. Извини, Джек, это не для протокола, но для тебя не секрет, что все наши его терпеть не могут. Ты, Мария, не удивляйся, но, когда придет время, Шуберт будет твоим ресурсом. Это сейчас он государственный чиновник, следователь ФБР, и ты его не можешь в этом качестве использовать.

Но скоро он перейдет в частный сектор. Ты пока подготовь в банке почву, а потом привлечешь его как консультанта. Мы же не случайно его в Москву направили. Русские по нему теперь уже досье собрали, он в их сознании уже легализовывался как международный эксперт, любящий и глубоко изучающий Россию. Ты пока просто поддерживай с ним отношения, коллегам расскажи, какое он на тебя впечатление на семинаре произвел, попереписывайся с ним по вашим крючкотворным темам, совета какого-то попроси. Чтобы твои потом восприняли его включение тоже совершенно естественно.

– Стив, ты всегда ставишь интересные задачи.

– Да, я понимаю, что по Барбаре ты будешь работать с вдохновением, ха-ха. Видел я ее фотографии. Джек, ты пошел обратно на семинар? Мне там особенно нечего делать. Пойду, посплю часок, потом поработаю. Мария, рад был тебя видеть, как всегда. Мы с тобой все согласовали, я прощаюсь. Операция называется... как, Джек? Что-то ты весь ланч промолчал.

– «Операция “Барбара”». Мне пока нечего говорить, все нормально. Я рад наконец познакомиться с Марией. Давно и много слышал о «Марте».

– А ты, Стив, торопишься? Сегодня пятница, можно было бы и завтра в Париже побыть. Я же правильно понимаю, что ты отсюда в Женеву поедешь, не сразу в Америку полетишь? И сегодня можно было бы вместе поужинать. Ты как?

– Да, ты правильно понимаешь, я тут на весь уик-энд, но завтра у меня совсем другая работа. Сегодня тоже ужин уже занят, извини, с тобой было бы гораздо приятней. Но увы... Поэтому прощаюсь.

Мария подумала, что они могли бы, в таком случае, вместе провести воскресенье, но при Джеке предлагать это было неудобно, а Стив сам не предложил. Да, романтический уик-энд в Париже не сложился. Но даже одной погулять в субботу по весеннему городу тоже неплохо. Вторая половина марта – замечательное время здесь. И в этом марте перед «Мартой» поставили интересную задачу. Она уже прикинула и собственные побочные выгоды. Стив прав, все надо сделать совершенно естественно. Тогда у нее, быть может, и крючочек на президента банка появится...

В понедельник в офисе она просмотрела, как всегда, кучу бумаг, потом попросила секретаря соединить ее с заместителем начальника IT Департамента.

– Он вышел, но начальник на месте и готов переговорить, мисс Гонзалес.

– Я же ясно сказала, найдите мне его заместителя. Там один старый разговор, еще с прошлой недели.

Через полчаса их соединили.

– Тим, тут мне в коридоре русский офис в очередной раз нажаловался. У них компьютеры то и дело зависают. Это ваш вопрос, но я просила бы посмотреть все повнимательнее. Это vip-люди, им нужно vip-отношение. Посмотрите хард-драйвы, возможно, их надо поменять или по крайней мере до основания вычистить и перезагрузить. Уверена, на них хранится столько мусора, они же скачивают вечно все подряд, там вирусов наверняка полно. Это же дети, к дисциплине взывать бессмысленно. Пусть ваш специальный человек пару ночей все самым внимательным образом почистит и поменяет. Но чтобы информация не пропала и людям не причинили неудобств.

– Я вас понял, мисс Гонзалес.

* * *

Через месяц у Стива была полная картина. Он шел к боссу посоветоваться. За это время Джек по своим каналам полностью заблокировал возможное назначение Варвары на пост вице-президента. Варя пусть себе варит. Они тут тоже варят.

Джек с коллегами из Лэнгли поездили по столицам «семерки». Пара столиц, прежде всего, эти чистоплюи, немцы, ушли в тину. Мол, мы вообще не хотим позицию тут занимать, нам и русским отказывать в поддержке как-то не с руки, а двойную игру вести – вообще не по сердцу. Но иные повелись от души и искренне: пообещали русским, весьма туманно, поддержать их Варю и тут же выразили президенту Инвестбанка столь же туманные сомнения. Мол, конечно, Россия имеет право претендовать, но будет ли это справедливо, что такая большая страна, которая и так главный бенефициар банка, еще и войдет в состав руководства? Удастся ли сохранить правильный политический баланс? Президента не было нужды долго убеждать в необходимости правильного баланса. Ему и самому было серпом по одному месту думать, что под боком у него, в качестве правой (или левой) руки, будет сидеть эта Варя. Он прислушался к высказанным сомнениям. Ему вообще всегда были важны мнения всех стран – акционеров банка.

Не подозревая о существовании Джека, президент тем не менее действовал с ним рука об руку. Каждый по своим каналам одновременно слил в мелкие страны Инвестбанка информацию о том напоре, с каким русские пытаются захапать такую должность.

Мелкие и убогие страны ответили, как и ожидалось, яростным протестом маргиналов: мол, мир хижинам, война дворцам, русские с их нефтью и коррупцией, а также многолетним угнетением своим тоталитарным режимом этих самых мелких и убогих стран пусть заткнутся сразу. Протесты этих внезапно народившихся демократий поддержали стаи европейских провинциалов, гнездящихся на побережьях Балтийского и Северного морей.

Америка же, в отличие от многих, конечно, Варю полностью поддержала, о чем обстоятельно, откровенно, в духе честной перезагрузки искренне и с любовью поговорила с Москвой. На «Большой восьмерке», правда, решили этот вопрос не обсуждать – мелковат, да и недемократично это будет, если крупнейшие страны противопоставят себя остальным, тем более по вопросу, который президент Инвестбанка должен решать прежде всего на основе профессиональных критериев. Но Вашингтон уже, как сказано, довел до президента свою позицию, а тот никогда не отмахнется от мнения великой державы. В общем, постановка была проста, как репа. Президент видел, что у него полностью развязаны руки, что Варю и ее великую страну кинуть можно с легкостью и без тени сомнения в его горячей любви к этой великой стране. К лету русские потеряли искомую позицию и утерлись, но от этой очередной неудачи они как бы только набирали очки для продвижения своего следующего десантника. Нельзя же нам все время отказывать. Иными словами, это был не конец операции, а как раз именно начало, и Стив шел советоваться к Эндрю.

«Марта» нарыла до чертовой матери, у Стива уже скопилось два тома бумажек – счета, переписка Барбары с ее друзьями, с русскими клиентами Инвестбанка, доказательства того, что Барбара ездила отдыхать на дорогие курорты, сделала ремонт квартиры в Лондоне, вкладывала деньги в строительство дома своего сына. Но кроме одного офшорного счета, который Варечка в нарушение правил корпоративной этики не указала на внутренних формулярах банка, и кроме того, что она всех в банке раздражала своей борьбой за интересы Родины, а также своими нарядами и сумками Louis Vuitton, Hermes и кого там еще – все было трухой. Ну, переписка с клиентами. Не входит в прямые обязанности, но и не запрещено. Переводы на счета мужа и сына тоже сами по себе ничего не значат. Звонки от олигархов из России – может, они ее друзья, ничего содержательного в их разговорах так и не высветилось. Но главное, возникал вопрос: а почему «Марта» именно сейчас спохватилась? Значит, должно наступить какое-то событие, играющее роль триггера, – и откуда его взять? Просить олигархов написать жалобу – смешно. Просить что-то написать остальных, которые помельче, – обосрутся и могут отреагировать неадекватно. Начинать без триггера, по совокупности собранного материала, – значит засветиться на перлюстрации и прослушке. А как бы так сделать, чтобы и не светиться, и никого не просить?

Эндрю оставил материал, подготовленный Стивом, у себя, а утром, уже в восемь, орал благим матом в трубку: «Сюда и бегом!»

– You’re all just fucking idiots. Вот же на поверхности лежит.

– Что, босс, лежит, по-вашему, на поверхности?

– Да, триггер, мать вашу... Вот этот парень, – шеф ткнул пальцем в один проект, находившийся в банке в проработке, – вот он вам добровольно и с песнями все напишет.

– Почему он?

– Потому что надо головой думать, а не задницей. Где его компания зарегистрирована?

– Ну, в Канаде, а что?

– А то... А вы туда звонили?

– В компанию?

– В Канаду, идиоты. Вы их спросили, что за парень? Он же там наверняка живет на постоянке, наверняка его за налоги или еще за что-то зацепить можно. Чистых русских не бывает. Это же элементарно.

– Мне казалось, что более перспективное направление – вот этот старый еврей из Лондона.

– А кого ты к нему пошлешь? Her Majesty Revenue Customs[14] или сразу МИ-6? Они полгода кочевряжиться будут и с тобой торговаться. За просто так даже не плюнут. А канадцам даже ты со своими куриными мозгами сможешь объяснить, что надо, мол. Они спорить не будут, возьмут под козырек. И с антисемитизмом впросак не попадешь. Давай, звони и вечером лети в Оттаву, и чтобы этого Серикова за неделю разработали. Максимум две. Уже лето на носу. Пока то да се, все по отпускам разъедутся.

Через три недели Стив позвонил «Марте»:

– Привет. Тебе завтра по «горячей линии» придет анонимная жалоба в рамках «Операции “Барбара”». Ты попросишь в ответ более точную фактическую информацию. Она к тебе поступит. Свяжешься с источником, пообщаешься. Потом его информацию обстоятельно перепроверишь внутри банка, послушаешь, что тебе скажут, сложишь правильную картинку.

– Правильную?

– Правильную, «Марта», правильную. Сама поймешь, как только начнешь работать. Возьми со своих показания. Устно, письменно – сама решай. Президенту до поры до времени не докладывай, ты просто в пределах своей компетенции исследуешь вопрос, работаешь по жалобе, из мухи слона не делаешь. Ясно?

– Совершенно.

– Ты должна показаниями своих из банка очень хорошо обложиться. Потому что сам источник крайне ненадежен. С ним канадцы поработали, говорят, полный урод. У него с психикой не в порядке, он может дать тебе путаную картину. Но письменное заявление его

[14] HM Revenue and Customs – Королевская Служба доходов и таможенных сборов, образована в 2005 г. путем слияния Службы внутренних доходов и Службы королевских таможен и акцизов. При слиянии функция таможенного контроля отошла к пограничникам королевства, но для компенсации на Королевскую службу доходов возложили функции сбора национальных страховых взносов, распределения социальной помощи детям и малоимущим, к тому же добавив полномочий в части расследований налоговых преступлений, дознаний, открытых и скрытых следственных действий, прослушки и перлюстрации (у службы более двух тысяч финансовых полицейских). В 2007 г. разгорелся скандал: младший клерк службы отправил в Службу национального аудита два диска с базой данных о получающих социальную помощь детях, включая данные банковских счетов их родителей и опекунов. Следов дисков с финансовой информацией о двадцати пяти млн. человек (почти половина населения Британии) так никогда и не нашлось, но министр казначейства Алистер Дарлинг самым искренним образом заверил подданных короны, что «навряд ли данные попали в преступные руки». Тем дело и ограничилось. Когда же в 2010 г. выяснилось, что служба регулярно недоплачивала пособия этническим меньшинствам страны, были приняты более радикальные меры: семь сотрудников уволили, а Дэйв Харнетт, секретарь по налогам, заявил, что у службы «нулевая толерантность к расовой дискриминации». На фоне такого сильного политического заявления Лэнгли действительно трудно рассчитывать, что служба добудет компрометирующие данные против еврея из Лондона, а если и добудет, то опять не потеряет по дороге. (*Прим. авт*)

будет увесистым, я его уже видел. Тебе все же надо подстраховаться на случай, если на словах он потом будет чушь нести. Все показания, которые ты получишь внутри самого банка, должны подкреплять и усиливать написанное в заявлении.

– Отлично. Это нетрудно. Я правильно понимаю, что потом я открываю служебное расследование, докладываю президенту, нанимаю... а вот-вот, ясненько. Теперь понимаю, ты хочешь, чтобы в качестве независимого консультанта, расследующего это дело, я привлекла Шуберта. Но это невозможно, он в Вашингтоне, мне с порога скажут: «А почему вы его везете из Америки, в Лондоне, что ли, юристов нет?» К тому же он наверняка затребует эскорт, им нужен будет отель, билеты первого класса. А почасовые ставки Шуберта ты себе представляешь? Нужен сумасшедший бюджет. Президент скажет, что это неоправданно...

– Зависит от того, как ты его к этому подведешь. Скажешь, например, что в интересах самого президента взять птицу высокого полета, – проще будет потом с русскими объясняться. Мол, не констебля с улицы привел, который, кроме дел по неуплате налогов соседним пабом, ничем в жизни не занимался! Он, президент, отнесся к России со всем уважением, денег не пожалел, привлек величину мирового уровня, который с уважением относится к этой великой стране, любит ее, а также хорошо понимает международные стандарты... Что я должен тебе все разжевывать? Голову включи. Главное, не напугай раньше времени президента своего, упирай на непреложность соблюдения процедур, необходимость установления истины. Сугубо внутри банка, в полной конфиденциальности. С полным уважением к русским и с привлечением человека, профессионализм и авторитет которого бесспорны. А что Шуберт потом сам из вашей Барбары вытрясет все, что нужно, в этом можешь не сомневаться. Уж что-то, а колоть людей он мастак. Ты его, главное, запусти. Конечно, после работы Шуберта с этой бабой президент может и пожалеть, что из простой жалобы вырастает беспрецедентное дело о коррупции, но будет уже поздно. Закрыть ему уже никто ничего не позволит. Ты же первая встанешь на страже святых процедур, это твой должностной долг. Поняла меня, детка?

– Да, Стив, я все поняла.

– Ты Шуберта там хорошо разрекламировала, я надеюсь? Мы еще в Париже об этом говорили. Он уже два месяца как перешел в фирму «Питер, Шварц и Рабинович», так что его вполне можно привлечь в качестве независимого консультанта. Слушай, что я тебе все это объясняю, уже по третьему, кажется, разу. Не годится, «Марта», это все, никуда не годится! Ты все-таки столько лет... Действуй прямо, по правилам и не давай никому вилять. И не грузи меня больше, ясно?

– Я все сделаю, как надо.

– Вот так бы с самого начала.

Мария получила донос на Варю через месяц. Жалоба – слова «донос» в их лексиконе не существовало – оказалась отменной. Видна была вся боль простого русского парня от того, что какая-то Варя пыталась склонить его к темным финансовым отношениям. Попросту говоря, хотела получить взятку. Не вызывало сомнений, правда, что изложение этой боли на бумаге осуществлялось квалифицированным адвокатом, для которого английский язык был родным. Это, конечно, был минус, зато жалоба вышла понятной. Да и почему бы простому, но небедному русскому парню не нанять специально обученного человека для изложения своей боли. Сам-то он писать не мастак.

Мария аккуратно подшила к жалобе записи (читай: опросы) своих бесед с сотрудниками банка по проекту русского парня Серикова. Сотрудники утверждали, что клиент Серикова – простой русский парень, а подозрительная Варя все пыталась мутить воду по поводу его простого и чистого проекта. Все нарытое в Варином компьютере Мария решила пока приберечь – ни к чему президенту знать, что она уже столько месяцев держит русский офис

под колпаком. Будет куда лучше, если Шуберт сам все это «найдет». С тоненькой папочкой, где лежала докладная записка, она пошла к президенту.

Президент огорчился, конечно: неприятно, когда в подведомственной организации возникает проблема. Но безутешным он не выглядел, это точно. С энтузиазмом воспринял аргументы Марии, почему в таком вопросе требуется светило из американской юридической компании первого эшелона «Питер, Шварц и Рабинович». Тут же принял решение выделить на эту неординарную ситуацию неподотчетные средства из собственного президентского фонда. В общем, у Марии сложилось впечатление, что президент оценил прекрасную возможность вынуть эту занозу Варю из собственной задницы. Поэтому все прошло легко и плавно.

Мария возвращалась в свой офис, думая о том, что не зря она так любит Стива. Операцию замутили красиво, без швов. Ничто нигде не перекошено. Жертва операции пока гордо ходит по банку с высоко поднятой головой, неискренней лучистой улыбкой и широко распахнутыми ясными, насквозь лживыми карими глазами, помахивая дизайнерскими сумками, купленными на деньги, с которыми Шуберт еще разберется... Готовится к последним заседаниям перед летним отпуском. Небось поедет на Лазурный Берег или на Лонг-Айленд, дрянь эдакая. Пусть съездит. А ей, «Марте», тем временем пора запускать Шуберта. Тот спокойно поработает в тиши, пока все на отдыхе, а русский офис пустует. Самая лучшая пора для него, чтобы ему складывать мелодию своей композиторской партитуры. Все будет красиво и пластично.

Глава 3
Это – не про курение...

В Вашингтоне Варя и ее муж Иван готовили дома бранч для коллег Вари, с которыми она вместе приехала из Лондона в командировку. Делегации Инвестбанка время от времени ездили в Вашингтон пообщаться с коллегами из Международного валютного фонда, из других международных учреждений. Варе на участие в таких поездках никогда не хватало времени, но в этот раз она решила присоединиться к коллегам, для этого были и личные, и профессиональные резоны.

Когда-то она работала в Вашингтоне, потом уехала в Москву. Сын подрос и переехал в Нью-Йорк. В их вашингтонском доме остался лишь Иван, человек творческий и совершенно не практичный. Дом вот уже лет десять как разваливался, но Ивана не раздражали ни скособочившееся крыльцо, ни дорожка, ушедшая в грунт, и рассохшаяся веранда, где зимой было холодно, а летом нестерпимо жарко и где поэтому хранился всякий хлам. Его машина стояла под окнами на улице, потому что ворота гаража не открывались уже много лет, а чинить их Ивану было недосуг. Гараж тоже превратился в склад барахла. Впрочем, и с комнатами Иван обошелся не лучше: гостевая спальня, а вслед за ней и бывшая комната сына, Пашки, постепенно заполнились его бумагами, гантелями, ковриками для йоги. Варя, приезжая в Вашингтон три-четыре раза в год, ужасалась тому, что один человек может производить столько хлама, на чем все и заканчивалось.

Павел, закончив учебу, стал то ли дизайнером, то ли архитектором, родители так и не понимали толком. Он рисовал, продавал какой-то креатив, оформлял какие-то малобюджетные выставки, постоянно перестраивал свой дом собственными руками. В конце концов прочно занялся недвижимостью, начал с помощью матери покупать убитое жилье, сам его перепланировал и перестраивал, придумывал все более необыкновенные интерьеры, привлекая бригады только для тяжелых работ. Делал своими руками то витраж, то резные двери, то причудливый фонарь. Потом продавал построенное, покупал новое, опять не без помощи Вари. В общем, в семье завелся крепкий хозяйственник, и Иван все порывался подарить сыну кепку для завершения образа.

Наконец Пашка взялся за дом родителей. Он вырос в нем и считал его родовым гнездом. Варя была счастлива, что наступит конец разрухи. Они с Павлом еще прошлым летом, сидя на пляже, все расчертили и спланировали, поняли, что малой кровью не обойтись. Потолки поднимать придется, а значит, и крышу. В крыше надо прорубать окна, skylights. Веранду снести и построить новую, утепленную, крыльцо переделать, а это тянет за собой укрепление фундамента, под которым необходим дренаж, и пошло-поехало.

Варя, конечно, была человеком далеко не бедным, и не просто госслужащим в каком-то – пусть даже международном, с немалыми окладами – банке. За спиной был ряд высоких банковских позиций в Москве, изрядные ежегодные бонусы, куча собственных проектов с друзьями-приятелями. Однако разросшийся бюджет перестройки дома и Пашкин бизнес заставили ее опять брать ипотеку, бросаться в ноги к московским друзьям и в очередной раз лепить из долгов собственный капитал, equity. Они с Павлом так всегда и крутились – занимали, строили, продавали, отдавали...

Когда все закончилось, дом стал неузнаваем. Светлый, просторный, простой и консервативный: уютные диваны, белые холщовые шторы, дизайнерская кровать из искусственно состаренного дерева, библиотека в кабинете Ивана и облагороженный камин. Дом на земле. И городской в меру, и вроде дача – на опушке же стоит. Варе очень хотелось самой внести в проект последние штрихи.

Еще важнее для нее было закрепить успех своей мартовской поездки в США. Да, она не получила позицию вице-президента, но это ее не расстроило, было ясно, что президент Инвестбанка костьми ляжет, чтобы этого не допустить. Но когда она приезжала в Вашингтон на интервью, ее приняли на удивление хорошо. С Джеком из Белого дома, который был ею особенно очарован, у нее, конечно, не было повода снова встречаться, а вот с ребятами из Казначейства и с Анной из Госдепа отношения стоило непременно продолжить.

По приезде в Вашингтон Варя поняла, что надо бы всю делегацию Инвестбанка – по-хорошему, с русским гостеприимством – принять у себя дома и накормить-напоить. Тем более начало сентября – самое лучшее время в Вашингтоне. Еще тепло и солнечно, но уже нет одуряющей летней жары и влажности бани. Естественно, напрашивались субботний бранч на веранде и беседа за легким итальянским вином в саду. К тому же Варя обожала готовить, а в Лондоне готовить было не для кого.

Варя знала, что в банке ее считают кто – звездой, кто – выскочкой и зазнайкой. Знала, что многие, возможно, без оснований, восхищаются ею, а многие другие – также без оснований – завидуют черной завистью. Одни ее сумки чего стоили – у нее была страсть к коллекционированию сумок и туфель. А если помимо сумок принимать во внимание, что Варя с напором русской женщины, посланной Родиной на амбразуру, отстаивала интересы русских и частенько кого-то разводила, причем небесталанно, толкала продуманно-пламенные речи, в которых так или иначе присутствовала критика, то на любовь рассчитывать было нелепо. С ней считались, это правда, но ведь у России нет, как известно, естественных союзников, вот в конечном счете и весь сказ. Варя на любовь и дружбу и не рассчитывала, она пришла в банк не дружить, а работать, но «работать» означало не упускать возможности выстраивать – или исправлять – отношения с коллегами, а не только толкать речи и пикироваться. Многие из ее коллег были люди достойные, тоже «граждане мира», а отдельные – просто приятные, поэтому затеянное русское гостеприимство готовилось с душой.

Светлый дом, солнечное утро, щедро накрытый стол с дымящимися тоненькими блинами, шампанским и красной икрой из русского магазина сразу создали гостям хорошее настроение. Всегда неплохо вкусно пожрать на халяву, но, похоже, гости оценили и чистосердечие хозяев, да и просто отдохнуть в субботу перед отлетом было как нельзя кстати.

– Варя, не могу поверить, что ты сама придумала и сделала весь этот колоссальный ремонт. Хотим экскурсию по дому, расскажи, как здесь было раньше.

– С удовольствием, только я больше давала ценные указания по телефону, чертежи правила, и мы с Ваней мебель выбирали, когда я в командировки сюда приезжала. В марте, например, когда у меня были встречи в Казначействе и Госдепе. Потом в мае в Международный валютный фонд приезжала в составе русской делегации. Вот и весь мой вклад. А все остальное – это Павел.

– А блины сама пекла?

– Конечно.

– Вот уж не подумала бы, что ты умеешь готовить, – заметила ее коллега из Италии.

– Не просто умею, а очень люблю. Но блины – это просто.

– Вернемся в Лондон, научишь.

– С радостью, могу еще и борщ научить варить, котлеты делать, воздушные такие. Даже пироги могу научить печь, если у тебя хватит терпения, это муторное удовольствие.

– Иван, а как вы тут один живете, о чем пишете...

Разговор тек непринужденно, все с удовольствием налегали на еду. Потом Иван, чтобы Варя не отвлекалась от обязанностей хозяйки по поддержанию застольной беседы, незаметно в саду накрыл под тентом в патио столик: фрукты, сыры, кофе. Гости с бокалами в руках бродили по дому, рассматривали картины Пашки на стенах, звучала музыка, в доме

было прохладно. Постепенно все начали подтягиваться в сад, на солнышко, рассаживались на садовых креслах вокруг столика под тентом. Иван не успевал подносить кофе.

Гости разошлись только около трех, и Варя стала собирать чемодан.

– Вань, ты можешь хотя бы теперь не захламлять дом? Гараж надо в чувство привести, Пашка скоро садовников приведет, двор-то мы весь разворотили. Я буду ждать, когда ты в ноябре в Лондон приедешь. Потом поедем вместе в Москву – я подгадаю, чтобы моя командировка с твоей совпали... А тебе мои понравились?

– Симпатичный народец, я ожидал худшего.

В восемь вечера Иван поцеловал ее в аэропорту Даллеса у рамки:

– Я тебе завтра позвоню, Вареныш. Отоспись, а то в понедельник как начнется...

– Я очень тебя люблю. Позвоню тебе перед посадкой, ты как раз домой доедешь. Чтобы тебе сегодня вечером не было одиноко.

– Да чего уж. Мы люди привыкшие. Иди давай, на секьюрити очередь может быть.

* * *

В понедельник, как и предрекал Иван, был полный дурдом. Материала скопилось с лета, а главное, надо было подготовиться к заседанию, назначенному уже на следующий день. Варины сотрудники брифили ее по материалам, она читала, вникала, звонила в Москву. На заседании должны были обсуждаться шесть русских проектов, она готовила коротенькие комментарии по каждому из них. Повестка дня заседания была огромна, как обычно в начале сентября, после летних отпусков.

Утром, с трудом оторвавшись от подушки – сказывался jet-lag, – Варя долго собиралась и, как всегда, влетела в офис буквально за минуту до заседания. Поправив прическу, сменив туфли и схватив папки, она кликнула помощника, и они рысью понеслись по коридорам.

Заседание и впрямь было длинным. До ланча не управились и продолжили после перерыва. Варя вернулась в офис около четырех.

– Варвара Васильевна, – в комнату зашла ее помощник, – разрешите почту доложить. Тут неприятное письмо есть. Вообще оно конфиденциально вам, но вы же мне всегда говорили смотреть всю почту. Посмотрите, – Ирина открыла папку «почта» и указала на письмо, написанное на дорогом песочного цвета корпоративном бланке. – Боюсь, опять австрияки нажаловались на подпольное курение по вечерам в нашем офисе, и Департамент комплайенса, похоже, на этот раз возьмется за вас, извините, – за нас, – серьезно.

– Спасибо, Ирина, я посмотрю. Вы не волнуйтесь, здесь никто не курит, как все мы знаем, а если австриякам что-то мерещится, ну что же, придется пообъясняться. Займитесь, пожалуйста, списком звонков, пока в Москве еще не спят. Постарайтесь во что бы то ни стало соединить меня с той дамой из Минэкономики, у меня для нее есть из Вашингтона интересная информация по ВТО. В Москве уже семь, она еще на работе скорее всего.

– А вы помните, что в пять придет преподаватель немецкого? Может, отменить?

– Нет, надо все успеть. Я и так два занятия из-за Вашингтона пропустила.

Варя закрыла дверь в кабинет и открыла снова папку «почта». Пробежала письмо на песочного цвета бланке, потом внимательно прочла второй раз, третий, и с каждым разом оно нравилось ей все меньше. Прислано из Вашингтона от юридической компании «Питер, Шварц и Рабинович» за подписью некоего Р. Шуберта. Этот Р. Шуберт сообщал, что департамент комплайенса нанял его, Шуберта, для проведения служебного расследования по поводу того, не нарушала ли Варвара Васильевна каких-нибудь внутренних Правил корпоративной этики. Далее Шуберт нешуточно заявлял, что согласно тем же Правилам он будет исходить из презумпции невиновности и принципа естественного права, приглашал Варвару Васильевну на разговор на следующий день ровно в девять утра и заверял, что разговор будет про-

ходить в полном соответствии с указанными непреложными принципами. Все было написано крючкотворным юридическим языком и звучало не по-детски серьезно.

Варвара Васильевна открыла Google. «Питер, Шварц и Рабинович» – бла-бла – одна из ведущих юридических компаний, коммерческие споры, арбитраж, криминальное право, сопровождение слияний и поглощений, бла-бла-бла. Набрала «Шуберт» и обомлела: ведущий специалист в области преступлений «белых воротничков», бла-бла-бла, отмывание денег, бла-бла, коррупция, автор законов о бла-бла, выступления в Конгрессе США, разоблачил коррупцию в высших эшелонах таких стран, как бла-бла-бла, расследовал дела о взятках крупнейших международных концернов – далее шла половина списка «Форбс-500». Это бла-бла-бла Варе совсем не понравилось. Она нажала кнопку «секретарь».

– Ирина, вы правы, отменяйте немецкий. И срочно найдите мне Мартина Мелдрума из DLA. Помните, мы с ними работали по проекту...

– Конечно, Варвара Васильевна, уже набираю. Он уже отвечает, соединять?

– Мартин, привет, это Варвара, помнишь? Listen, прости, что я так сваливаюсь внезапно. У тебя все о'кей? Мне надо срочно с тобой посоветоваться. Как у тебя сегодня выглядит остаток дня, я бы прямо сейчас подскочила?

– Привет, Барбара. Слышу по голосу, что-то срочное. Мы, юристы, лишних вопросов не задаем. Приезжай. Тебе сколько потребуется времени?

– Да, наверное, минут пятнадцать, хочу один документ тебе показать.

– О'кей, жду.

Варя выскочила из офиса, набросив пальтишко – в Лондоне в отличие от Вашингтона уже было прохладно, – и замахала кэбам. Через десять минут она уже входила в стеклянный вестибюль роскошного офисного здания, типичного для штаб-квартиры международной юридической конторы.

– Мартин, посмотри, что я сегодня получила. Мне это совсем не нравится, но, может, я все преувеличиваю.

– Так, «Питер, Шварц...», знаю, серьезная компания. А кто это, Шуберт? Не говори мне, что это тот Шуберт, который...

– Именно тот. Я прогуглила.

– Это знаменитый следователь ФБР по крупным делам, связанным с отмыванием денег и коррупцией. Не знал, что он перешел в «Питер, Шварц...». Разматывал самые крупные коррупционные скандалы. Вообще письмо написано очень агрессивно. Very heavy-handed. Я бы сказал, настолько агрессивно, что это уже какое-то время тянется.

– Так я только сегодня его получила!

– Ты-то сегодня его получила, но парень давно ведет свое расследование. It looks to me like a quite mature stage of investigation[15]. И уже накопал изрядно материала, раз посылает такое агрессивное письмо...

– Какого материала? Завтра он впервые со мной будет встречаться!

– Варя, он за твоей спиной материал собирал, чего тут не понять. Тут презумпцией невиновности не пахнет, у него уже есть мнение, и завтра он будет говорить с тобой, чтобы это мнение подтвердить.

– Какое мнение, о чем?

– Как о чем? О нарушениях этики, связанных с чем-то финансовым, взятки или мошенничество, не знаю.

– Мартин, о чем ты говоришь? Ты шутишь? Какие взятки, что там можно взять в нашем банке, я даже не член кредитного комитета. Ты нарочно меня пугаешь?

– Варя, а ты сама можешь хоть что-то предположить, в связи с чем это расследование?

[15] Выглядит как далеко зашедшее расследование (*англ.*).

– Ты не поверишь, но мой секретарь, когда принесла письмо, сказала, что это, наверное, про курение в офисе. Но когда я прогуглила Шуберта, мне стало очень плохо. Это не про курение!

– Да уж. Это точно не про курение. Тебе нужен адвокат.

– Где я его к утру возьму?

– Я сейчас позвоню нашему партнеру по уголовным делам...

– По уголовным делам?

– А по каким же? Конечно, будет чудо, если он завтра не занят. Но если занят, найдет правильного человека. Мы тебе в любом случае позвоним с утра, а может, даже сегодня вечером.

– Что, это настолько срочно? Ой, а что мне завтра говорить? Я же, правда, не представляю себе, в связи с чем это?

– А тебе надо говорить как можно меньше.

– Почему? Я совершенно ни в чем не виновата, зачем я тебе-то буду врать?

– Потому что, повторяю, человек уже заряжен негативно. Шуберт вообще позитивно не может быть настроен. Он следователь, понимаешь? Обвинитель. Он не слушать тебя придет, а искать доказательства твоей вины, в которой он, как следователь, уже уверен. Он этим не один десяток лет занимался, у него уже установка такая, понимаешь, о чем я? Поэтому ты слушай больше, говори меньше. Постарайся заставить его как можно более конкретизировать предмет его расследования. Чтобы не вообще fishing something, не просто ловля наудачу... Скажи: «Прежде чем я буду отвечать на вопросы, сформулируйте мне, в чем конкретно вы видите нарушение этики». Кто его нанял? Ага, ваш комплайенс. А ты с ними не говорила? Позвони, спроси, в чем дело. Ничего не теряешь.

– Угу. А мне правда адвокат нужен?

– Барбара, я понимаю, что ты в шоке. Адвокат тебе нужен, поверь мне. Не уверен, что вашими Правилами корпоративной этики и внутренних расследований разрешено иметь адвоката при «собеседованиях» с «независимыми внешними консультантами», как здесь написано. Но я тебе говорю, это не собеседование, а допрос, и это не «внешний независимый консультант», а нанятый твоим банком высокого класса, агрессивный, крайне жесткий следователь с огромным стажем. Вот так и настраивайся. Понимаю, что ты чувствуешь себя неуютно от моих слов, но я хочу тебе помочь и поэтому открываю тебе глаза на реальное положение вещей. Чтобы завтра у тебя было хотя бы немного меньше неожиданностей. Спроси у комплайенса насчет адвоката, но даже если они не разрешат ему присутствовать, все равно возьми и постоянно консультируйся с ним.

– Постоянно? Это что будет долго тянуться? У меня завтра время только до десяти. В десять бюджетный комитет, у меня там вопрос о...

– Барбара, до десяти вы точно не закончите. Это я тебе гарантирую. Что это, как это будет проходить, куда поведет, я понятия не имею. Может, все и не так страшно, может, тебе просто придется уйти с работы, а ваш банк поговорит с твоим правительством, и они договорятся все это замять...

– Мартин, ты с ума сошел? Что замять? Ты что, считаешь, все это дойдет до моего правительства? Это самое плохое, что может быть. Ты же понимаешь, что я Москве подчиняюсь, а не президенту банка?

– Ты сама, конечно, решай, рассказывать ли тебе все это Москве, я в политике не силен. Но, повторяю, то, что Москва узнает про этот инцидент, – это, к сожалению, не самое плохое.

– А что может быть хуже?

– Ну, не будем пока драматизировать. Иди домой, ложись спать пораньше, выспись, пожалуйста. Адвокат завтра тебе позвонит. И поменьше, слышишь, поменьше завтра говори. Поняла? Обязательно позвони мне завтра, договорились?

– Спасибо, Мартин...

Варю потряхивало, когда она вышла из офиса Мартина. «Ирина, – она набрала своего помощника с мобильного, – я в офис сегодня не вернусь. Я беру такси и еду домой. А вы, пожалуйста, соедините меня с Марией Гонзалес. Если ее нет, пусть найдут на мобильном. Скажите, мне обязательно надо с ней переговорить сегодня».

Ирина была очень опытным помощником, не говоря уже о том, что работала с Варей еще со времен Москвы. Ей ничего не надо было объяснять. Она перезвонила через пять минут: «Варвара Васильевна, Гонзалес на встрече, ее офис сказал, что они свяжутся с нами, как только у нее будет возможность. Вы не волнуйтесь, я не уйду с работы, пока вы не переговорите».

* * *

Мария Гонзалес сидела в лобби отеля Threadneedles, что рядом с Банком Англии и собором Святого Павла. Они с Ричардом Шубертом и его коллегой, темнокожим, похожим на боксера Роджером Грином, выбрали самый дальний укромный уголок и удобно расположились на низких диванах, разложив перед собой бумаги.

– Ее офис звонил уже два раза. Но мы не будем торопиться. Давайте, Ричард, завершим работу с бумагами. Вы все-таки не сумели достать пленку с записью того разговора?

– Мария, это не я не сумел, это ваша недоработка, простите за прямоту. Мы с вами вместе по видеоконференции говорили с Сериковым. А его разговор с субъектом «Операции “Барбара”» состоялся после. Он вам обещал пленку при мне.

– Но вы тоже с ним разговаривали, что же вы потом не довели до конца ничего? Что он, съел эту пленку, что ли? Он же должен был вам ее переслать.

– Должен был, но не переслал. Вы же сами видели, что это за человек. Совершенно ненадежный свидетель. Врал, путался в показаниях, просто нес околесицу. Либо косит под плохо вменяемого, либо и правда такой. Вы сами-то что-нибудь предпринимали, чтобы вытрясти из него эту пленку?

– А что я могла предпринимать? Я же руководитель Департамента комплайенса, а не прокурор. А почему вы не слетали в Канаду с ним встретиться? По-моему, у вас достаточный бюджет, мы не поскупились.

– С какой стати он будет со мной разговаривать? Он вообще, похоже, поменял все телефоны. Как в воду канул. Вы не забывайте, я уже больше не следователь, а рядовой частный юрист, в розыск я его объявить не могу. Но давайте закроем эту тему. И без пленки, я вам доложу, у нас вполне хватает материала. Поверьте моему опыту. Как вы назвали как-то этого Серикова? Триггер? Триггер и есть. Он со своими показаниями пойдет лишь как эпизод. Центральный, конечно, но по совокупности со всем остальным и без пленки все будет вашему руководству ясно. И руководству Барбары в Москве, я уверен, тоже.

– Вы должны меня правильно понять, Ричард. У нас нет цели опорочить русский офис. Наша задача разобраться, соблюдались ли правила внутренней этики объектом «Барбара», и если нет, что вообще-то уже ясно, то в чем именно состояли нарушения.

– Мария, я не ребенок и все понимаю совершенно правильно. Вас в том числе. Истина будет установлена. У нас целых два дня на разговор с Барбарой, это очень немало, поверьте мне. Мы с Роджером... да, Роджер? Объективная картина будет вам составлена, если вас интересует это. Но вы должны помнить, что я работаю на рынке, в регулируемой отрасли. Я партнер уважаемой компании, а не полицейский следователь. У меня есть свои принципы и есть свои ограничения, которые накладывают на меня правила этой регулируемой отрасли.

– Не очень понимаю, на что вы намекаете, Ричард. Нас интересует, повторяю, только составление объективной картины. И ваше экспертное заключение как опытного, с мировым именем юриста.

– Тогда о чем мы спорим?

– А мы ни о чем и не спорим. Простите, похоже, она звонит в третий раз. Наверное, пора ответить.

Мария нажала на кнопку «прием». Ее секретарь сообщила, что, действительно, на проводе русский офис, секретарь руководителя.

– Соединяйте. ...Здравствуйте, Барбара.

– Добрый вечер, Мария. Вам удобно разговаривать?

– Я вообще-то на встрече, вам, наверное, сообщили. Но я вышла, чтобы с вами поговорить. Что-то случилось?

– Вы наверняка в курсе, что сегодня я получила письмо от некоего господина Шуберта. Письмо сообщает, что по вашему поручению Шуберт хочет завтра провести со мной собеседование. Хотела бы понять, в связи с чем?

– В письме все сказано, Барбара. У нас есть основания полагать, что вы допустили ряд нарушений внутренних правил банка в своей работе. Это обычная практика банка приглашать в таких случаях внешних независимых консультантов, в данном случае господина Шуберта...

– Мария, вы прекрасно понимаете, что мне ясен калибр этого господина Шуберта и мне ясно, что просто так вы не будете приглашать такого человека из Вашингтона. Вы могли бы мне дать какие-либо пояснения, хотя бы для того, чтобы я лучше подготовилась и наш завтрашний разговор с Шубертом прошел бы более продуктивно?

– Я не имею права давать вам, Барбара, какие бы то ни было пояснения. Именно поэтому, как предусмотрено статьей восемнадцатой Правил, мы и приглашаем независимых консультантов, чтобы они совершенно независимо от моего мнения разобрались в ситуации, в имеющейся у них информации, а также выслушали ваши объяснения. Исходя, естественно, из презумпции вашей невиновности. Поэтому вам не о чем волноваться. Я понимаю, что для вас это неприятная ситуация, но уверяю вас, господин Шуберт сумеет непредвзято во всем разобраться.

– А что послужило причиной этого независимого расследования, я могу спросить?

– Лишь потому что я к вам хорошо отношусь и вообще привыкла все делать как можно более прямо и открыто, могу сказать, что к нам поступила жалоба от одного из клиентов банка.

– Значит, речь будет идти о конкретной жалобе?

– Я не знаю, как господин Шуберт собирается построить разговор с вами, это его дело. Уверена, что если вы будете откровенны с господином Шубертом, с вашей логикой, умением все раскладывать по полочкам, вы быстро обо всем договоритесь.

– Мария, я хотела бы вас попросить, чтобы вы проинструктировали господина Шуберта как можно более правильно. Если существует жалоба, которую, я уверена, смогу объяснить, то именно на ней и должно быть сконцентрировано наше «собеседование». Но вы, безусловно, видели письмо, и я хочу, чтобы вы знали, что я считаю его крайне агрессивным, уже ставящим под вопрос презумпцию невиновности.

– Еще раз могу вас заверить, что наши Правила гарантируют вам соблюдение презумпции невиновности и ваше собеседование будет проходить исходя из принципов естественного права, чтобы дать вам возможность рассказать свою версию этого инцидента.

Варя пришла домой и решила никому не звонить. Ни мужу, ни сыну, ни подругам. Приняла ванну, поставила на подзарядку блэкберри. Есть не хотелось. Выпила чашку кофе, выкурила пару сигарет. Включила стерео.

When I was young, I never needed anyone,
And making love was just for fun, those days are gone...
All by myself, don't wanna be,
All by myself anymore...
Hard to be sure, sometimes I feel so insecure,
And love, so distant and obscure, remains the cure...[16]

«Одна, это точно», – сказала она себе. Открыла шкаф, достала черный брючный костюм Gucci, строгий, узкий, очень старенький. Он всегда приносил ей удачу. Повесила на плечики бледно-розовую блузку в мелкую белую полоску. Выложила свои офисные часы – золотой Breguet, – нет, от одного этого следователь может осатанеть! Заменила на спортивные, на каучуковом ремешке Bvlgari – ничего проще у нее не было. «Действительно, совершенно нечего надеть». Выбрала черные туфли на каблуке, который нельзя было назвать совершенно вызывающим. Но, что поделаешь, Louboutin, других нет. Переложила документы, пропуск, очки и прочую женскую муру из Hermes в старенький, в шашечку, вполне деловой Louis Vuitton формата А4 – «ничего особенного, все так ходят». Вроде все. Легла в кровать, погасила свет. «Господи, помилуй, сделай так, чтобы я завтра проснулась, и все это оказалось просто страшным сном».

[16] All By Myself – баллада, созданная американским композитором и певцом Эриком Карменом, в которой он использовал фрагмент (Adajio sostenuto) Второго фортепьянного концерта С. Рахманинова си-минор. All By Myself... приобрела особую популярность после экранизации книги Хелен Филдинг «Дневники Бриджет Джонс», где главная героиня, одинокая толстушка Бриджет, поет ее, сидя на кровати во фланелевой пижаме и представляя себе мужчину ее мечты, который вскоре и явился к ней в облике адвоката Марка Дарси. Хелен Филдинг неспроста выбрала именно это имя – со времени выхода книги Джейн Остин «Гордость и предубеждение» (Jane Austin. Pride and Peejudices,1813) имя «Марк Дарси» стало практически нарицательным олицетворением идеального мужчины для всех женщин, грезящих об истинной любви. Едва ли Варя в ночь перед допросом думала о Рахманинове, скорее она чувствовала то же одиночество, что и простоватая, как она сама, Бриджет, и смутно надеялась, что и ее тоже в один прекрасный день спасет рыцарь на белом коне. (*Прим. авт.*)

Глава 4
Lex Naturale (Естественное право)

Варя шла по коридору одиннадцатого этажа, где размещалось царство этой мымры Гонзалес – Департамент комплайенса. Войдя за пять минут до назначенного срока в комнату, она увидела, что ее уже поджидают. Ричард Шуберт – «Хорошо еще, что не Вагнер», – подумала Варя, когда он, протянув руку, представился, – был импозантным среднего роста и возраста мужчиной с внешностью киноактера: черные как смоль волосы и такие же глаза на загорелом лице. Выразительный мужчина. Дорогой темно-синий пиджак висел на спинке стула, Шуберт красовался в ослепительно-белой рубашке со слегка приспущенным гладким темно-синим галстуком. На рубашке были золотые запонки, а из-под манжет выглядывали золотые же, явно дорогие часы. Слева от Шуберта сидел насупленный афроамериканец, лет тридцати с хвостиком, тоже назвавший себя, и пил кофе из картонного стаканчика. Справа – щуплая, похожая на мышь, неопределенного возраста девица перед раскрытым лэптопом. Варя увидела, что вдоль стены стоит огромное количество непонятной аппаратуры, она даже и не представляла, что в Инвестбанке существуют такие комнаты. Ясное дело для допросов с пристрастием! Ей указали на стул напротив этих инквизиторов. В том, что это были инквизиторы, сомнения испарились в первую же минуту. Прав был Мартин.

– Мисс Барбара, мы здесь собрались, чтобы... будем руководствоваться презумпцией невиновности... принципами естественного права... правилами... – Шуберт бубнил под запись, а Варя слушала. – Начнем с вашей биографии. Расскажите о своей трудовой деятельности, об учебе. Вы не волнуйтесь, пожалуйста...

Варя рассказывала. Ей задавали уточняющие вопросы ни о чем, она не понимала, зачем им это нужно знать: ее резюме лежало у Шуберта перед носом. Потом завели разговор о проекте некоего Серикова, не упоминая ни о какой жалобе.

– Господин Шуберт, давайте уточним предмет разговора. Хотя бы для того, чтобы я понимала его временные рамки. У меня сегодня еще много дел, да и вы приехали издалека, у вас время, вероятно, тоже ограничено. В чем именно состоят мои возможные нарушения Правил внутренней этики банка?

– Это целый ряд нарушений...

– Конкретнее, я буду записывать.

– У нас есть основания предполагать, что вы нарушили правило один, которое гласит...; правило «два» о неразглашении конфиденциальной информации, затем... правило «три» – это конфликт интересов, правило «четыре» – возможное получение неправомерных платежей, правило «пять» – несоблюдение этики общения с клиентами, правило «шесть» – нераскрытие личных финансовых интересов, правило «семь»... правило «восемь»...

– Спасибо, что вы прочли мне все оглавление Правил. Можно попросить конкретно сформулировать возможное обвинение?

– По ходу нашей беседы это выявится само собой.

– Что значит «само собой»? Если вы говорите о принципе естественного права, то, хоть я и не очень подкована в терминологии, имею право хорошо понимать существо возможных обвинений. Чтобы рассказать историю с моей стороны и быть при этом услышанной, я должна знать, в чем состоит ваша история.

– Мы пойдем по плану, и вам – в соответствии с принципами естественного права, lex naturale, как вы совершенно правильно сформулировали, будет предоставлена возможность нам все рассказать. Но хочу подчеркнуть, что принципы lex naturale, если уж вы так любите латынь, предполагают не только ваше *право* рассказать свою версию всех историй, но и вашу

обязанность это сделать. Но, может быть, хватит заниматься академической дискуссией. Вы встречались с акционером проекта господином Сериковым в мае сего года? Когда точно, где? При каких обстоятельствах?

– Я встречалась с ним один раз, наверное, действительно в мае, когда точно, сказать не могу. Встречались в Москве. А в чем все-таки состоит его жалоба?

– По чьей инициативе произошла встреча?

– По его. Но вы мне не отве...

– И какое он произвел на вас впечатление?

– Достаточно негативное, о чем я поделилась с менеджером его проекта, поскольку полагала, что тому полезно будет знать своего клиента со всех сторон, даже если мое мнение неверно.

– Сериков предлагал вам деньги? За что?

– Он делал достаточно прозрачные намеки. Но я отнесла это к разряду странностей, потому что он был невнятен и не мог толком объяснить, что ему надо. Поэтому вопрос о деньгах повис в воздухе, и в целом встреча оставила неприятное впечатление, о чем я и...

– Значит, повис в воздухе? А вы хотели бы, чтобы разговор сложился иначе?

Только тут Варя вспомнила, что Мартин ей велел поменьше говорить, и решила поправиться:

– Я неправильно выразилась. Я хотела сказать, что незнакомый человек ни с того ни с сего делает намеки на деньги. Потом невнятно говорит про свой проект и какую-то помощь. Я пыталась ему объяснить, что наш офис будет ему помогать. Мы всем русским клиентам помогаем. Но чтобы помогать, надо понять, какого именно рода помощь ему нужна. Сериков, однако, либо не хотел, либо был не в состоянии это объяснить. Это было странно и подозрительно... – Варя говорила и говорила, понимая, что все делает неправильно, не так, как учил ее Мартин, но не могла остановиться. Она не могла смириться с тем, что ее объяснения тут никого не интересуют.

– Это я уже слышал. Значит, вы не получили достаточной информации, чтобы оценить, интересно ли вам его предложение?

– Да не делал он мне никаких предложений, не надо передергивать мои слова...

– Ладно, к этому вопросу мы еще вернемся... А какие у ваших сотрудников отношения с господином Сериковым?

– Мои сотрудники вообще с ним не знакомы. Один из моих сотрудников сопровождал этот проект, ему постоянно звонили сотрудники Серикова, им все время нужны были наши консультации, но все делалось как-то сверх меры, крайне настырно. Мне просто было жаль времени.

– А зачем ваш сотрудник с ними столько разговаривал? Чтобы у вас были основания требовать от Серикова деньги?

– Мой сотрудник так же, как и весь наш офис, обязан помогать всем российским клиентам, которые обращаются к нам за консультациями. Меня именно для этого сюда направили – отстаивать интересы российского бизнеса и помогать банку делать больше проектов в России.

– Значит, вы лоббировали проект Серикова?

– Слово «лоббирование» совершенно неправильное. Наш офис просто открыт всем российским клиентам, если у них возникает потребность в консультациях, если у клиентов и менеджеров их проектов возникает взаимное непонимание. Менеджерам тоже иногда надо помогать понять своего клиента. Это же люди с разных планет, они не слышат друг друга, из-за чего хорошие проекты часто бывают под угрозой срыва.

– Мы ушли далеко от темы. Как вы объясните этот документ?

– Это мейл от другого клиента банка, и он просит меня в нем о вполне конкретных советах по своему проекту.

– А вы ему тоже советуете. Понятно. Вы, значит, помогаете ему в ущерб интересам банка.

– Почему в ущерб? Если банк и клиент лучше поймут друг друга, всем будет только польза: и банку, и клиенту, и проекту.

– И вы требуете за свои советы деньги?

– Это безосновательное и обвинительное предположение, прямое нарушение презумпции невиновности. Ни я, ни мои сотрудники никогда, повторяю, никогда ни с кого не требовали денег!

– Ну, не требовали, а просили. Хотя больше подходит слово «вымогали».

– Считаю это недопустимым. По правилам внутреннего расследования корпоративной этики я не могу пригласить сюда адвоката. Но, уверена, что если бы здесь был мой адвокат, он не допустил бы, чтобы вы меня допрашивали подобным образом.

– Значит, вы уже наняли адвоката? Вы считаете себя в чем-то виноватой?

– По-моему, вы оказываете на меня давление.

– На вас никто не оказывает давление, – в разговор вмешался сидящий с краю афроамериканец, насупленный до предела и просто-таки сверливший Варю глазами. – Мы просто ждем от вас внятных объяснений своих поступков, а вы все время путаетесь в показаниях. У вас есть счета в Швейцарии?

– У меня нет счетов в Швейцарии, но у меня есть компания, зарегистрированная в белом офшоре, где полностью раскрывается информация о бенефициарах, и я бенефициар этой компании. У компании открыт счет в банке в Цюрихе.

– А почему вы не сообщили в Департамент комплайенса банка, что у вас есть эта компания?

– Потому что в этой компании собраны проекты моей семьи, моего сына, мои собственные, которыми я занималась до прихода в банк. Доходы же от этих проектов я построчно раскрывала ежегодно и правдиво.

– Но саму компанию-то вы не раскрыли.

– Возможно, это была моя ошибка. Но формуляры раскрытия спрашивают о доходах вне банка, о взятых кредитах, об активах, о ценных бумагах. И на все эти вопросы я ежегодно отвечала. Вот про кредиты – два ипотечных кредита в банке... и... вот про активы – дом в Вашингтоне, квартира в Москве, вот про доходы – арендная плата от сдачи московской квартиры, вот расходы – ремонт вашингтонского дома, вот...

– А откуда у вас столько денег?

– Я не из детского сада сюда пришла и не с университетской скамьи. И даже не с госслужбы. Я много лет работала в бизнесе на высоких должностях с большими окладами и бонусами. Я их вкладывала во что-то. Арендная плата за мою квартиру в Москве за последние пять лет выросла в полтора раза. Но это моя частная жизнь, к банку это не относится. Ваше расследование – о нарушениях Правил банка. Между тем уже два часа вы не говорите мне, в чем именно могло бы состоять мое нарушение.

– Мы вам сформулировали это в первом же предложении. Не надо делать вид, что вы ничего не понимаете. За что вы платили деньги вашим сотрудникам?

– Я не платила моим сотрудникам денег.

– Интересно. Как тогда вы объясните этот перевод, который вы сделали со своего швейцарского счета своему помощнику?

– Мой помощник, который уволился год назад, перед отъездом в Москву собрался купить там квартиру и попросил меня одолжить ему на полгода часть денег.

– Вы же только что сказали, что не платили сотрудникам деньги. А когда мы вам предъявили доказательство обратного, начинаете вилять. Теперь говорите, что одолжили ему деньги.

– Повторяю, что не платила моим сотрудникам денег. Одолжить деньги, которые тебе человек потом вернет, и платить деньги – это разные вещи.

– А чем вы докажете, что он вам эти деньги вернул?

– Когда он уходил из банка, то получил предусмотренное Правилами солидное выходное пособие. Еще когда он просил меня одолжить ему деньги год назад, мы оба знали, что именно из него он и вернет мне долг. Что в этом ненормального?

– У вас есть документы, которые подтверждали бы ваши слова?

– Например, моя расписка в получении мною денег в погашение долга.

– Вы можете ее нам предъявить?

– Как я могу предъявить вам расписку, данную человеку, который живет теперь в Москве? Она, естественно, у него.

– Советую вам предоставить нам оригинал этой расписки, иначе мы будем считать ваше заявление голословным.

– Знаете, если бы я даже просто подарила ему эти деньги, чего я – подчеркну – не делала, даже в этом не было бы никаких нарушений Правил банка. Мои деньги – кому хочу, тому и дарю. Мои отношения с моим помощником – это мое личное дело. Это не находится ни в какой связи ни с моей работой в банке, ни с его работой в банке, ни с Правилами банка. И никаких оригиналов расписок я вам добывать не собираюсь. Между тем вы так и не сформулировали мне ни одного конкретного обвинения.

– Да вы уже сами тут более чем достаточно наформулировали. Ваши заявления противоречивы и путаны. Вы делаете ложное заявление, что не платили сотрудникам деньги, и тут же под давлением предъявленных фактов вынуждены признавать, что сказали неправду. Начинаете выкручиваться, говорите о каком-то якобы существовавшем займе, о расписке, которая якобы осталась в Москве. Тут же говорите, что, может, и не заем это был, а вы просто ему деньги «подарили»... Намеренно вводите нас в заблуждение.

«Да, Мартин был прав. Что бы я ни сказала, меня не хотят слышать и каждое мое слово используется против меня», – подумала Варя.

– Так, хорошо. Предлагаю сделать перерыв на ланч. Вы, вероятно, устали. Потом будете говорить, что вас здесь допрашивали.

Варя выскочила на улицу. Больше всего хотелось курить. Села за столик кафе рядом со зданием банка, закурила, заказала кофе и стала проглядывать пропущенные звонки и мейлы. Мартин просил позвонить. Она набрала, узнала, что Мартин уже нашел ей юриста. Действительно, час назад звонил некий Мэтью Дарси. Она тут же набрала оставленный номер. Ей ответил глубокий мягкий баритон:

– Да, Варвара, я жду вашего звонка. Примерно представляю себе вашу ситуацию и буду рад помочь, если вы захотите... Как у вас сегодня идут дела?

– Плохо. Все, как и предполагал Мартин. Перекрестный допрос под запись со стенографисткой... – Варя вкратце пересказала, как прошло ее утро.

– Когда вы сможете ко мне приехать?

– Я не знаю, когда мы закончим. Я сразу позвоню.

– Я буду вас ждать в любом случае, не волнуйтесь.

Варе надо было показаться в своем офисе. Она не собиралась обсуждать свою ситуацию с сотрудниками, но и исчезнуть на целый день, не сказав им ничего, было бы неправильно. Моральных сил подниматься к своим ребятам не было, но не было и иного выхода.

Как она и ожидала, ребята в офисе сидели подавленные и притихшие. Они понимали, что стряслась какая-то беда, и уставились на руководителя, стремясь на ее лице прочесть

что-то ободряющее. Варя подумала, что наверняка выглядит жутко и ничего ободряющего на ее лице не прочесть. Попросила Ирину показать почту, разобрала несколько бумаг. Двое помощников постучали в дверь: «Варвара Васильевна, у нас все в порядке?»

– Не вполне. Комплайенс напустил на меня каких-то странных людей, которые ведут со мной достаточно жесткий разговор о том, бескорыстно ли мы тут с вами «лоббируем интересы российских клиентов». В общем, все, конечно, крайне неприятно, поэтому не удивляйтесь, что я сегодня немного не в себе. Но и расстраиваться раньше времени не стоит, поскольку мы находимся еще в начальной точке разговора, и я уверена, что мы все-таки сумеем найти общий язык и я им смогу все объяснить.

– Мы можем вам чем-то помочь?

– Можете. Тем, что спокойно будете работать и не будете на меня смотреть вот такими круглыми глазами. Вы же знаете, что я от вас ничего важного никогда не скрывала. И когда я сама пойму, что происходит, мы сядем и все спокойно обсудим. А сейчас пока чехарда, мне самой еще ничего не понятно.

Она вернулась в комнату, где проходил ее допрос.

– Мы с вами обсудили ваши платежи сотрудникам офиса, мы к этому еще вернемся. Сейчас объясните, зачем вам понадобилась офшорная компания, вы же официальное лицо. Вам не кажется, что ваша позиция и ваша офшорная компания – вещи несовместимые?

– Если бы мне так казалось, я бы ее не создавала. Убеждена, что любой состоятельный человек, который приходит на государственную или политическую работу, обязан обособить свои частные финансовые интересы, в том числе семейные расчеты, от службы. У меня есть активы, которые не имеют отношения к работе в банке. Есть доходы от этих активов, есть семейные вложения, есть, наконец, долги. Причем немалые. Особенно после этой стройки в Вашингтоне. Я полагала, что правильно полностью обособить эти расчеты и виды деятельности от тех счетов, на которые поступает моя зарплата в банке. Уж вы-то, господин Шуберт, как никто другой, должны понимать, что так делают многие бизнесмены, которые переходят на госслужбу или в политику. Так делали, насколько я знаю... – и Варя привела ряд примеров из жизни международных чиновников.

– А налоги с этих, как вы выразились, частных доходов вы платили?

– Я платила налоги как налоговый резидент России. Прошу зафиксировать в протоколе, что считаю сам факт этого вопроса выходом за рамки внутреннего расследования. Вопрос о моих налогах в России не относится к моей работе в банке.

– Как посмотреть. В банке должны работать только кристально честные люди. Возможное уклонение от налогов не безразлично для репутации банка.

– Прошу зафиксировать в протоколе, что эта реплика – еще одно недопустимое нарушение этики служебного расследования.

– А что вы так волнуетесь? Все записывается. Разговор о налогах неприятен? Понимаю. Но давайте перейдем к вашим так называемым бонусам, долгам, кредитам, ипотекам и прочему.

– Я не хочу обсуждать эти темы. Это моя частная жизнь и не имеет отношения к работе в банке. Все цифры бонусов, долгов и ипотек на формулярах раскрыты. Если бы Департаменту комплайенса в этих цифрах было что-то не ясно, они могли бы спросить об этом в рабочем порядке. У них было для этого достаточно времени за годы моей работы. Давайте говорить предметно о моих конкретных нарушениях.

– А мы о них и говорим. Вы же знаете, что ежегодно вы обязаны во внутрибанковских формулярах раскрывать именно эти, как вы выразились, «частные» бонусы, долги, ипотеки.

– Я только что сказала, что они там отражены...

– В ваших формулярах много путаных и противоречивых записей. Вот в одном формуляре вы показываете, что у вас два кредита, а в формуляре следующего года указываете на один.

– Потому что второй был погашен в предыдущем году.

– У вас есть подтверждающие документы?

– Конечно, мой банк может дать мне соответствующую справку.

– Получить ее было бы в ваших интересах. И представить нам.

– Хорошо, вы ее получите. Но мне кажется, что мы с вами опять идем по кругу. Давайте все же вернемся к основополагающим принципам проведения интервью официальных лиц этого банка, которые предусмотрены процедурами. Вы, Ричард, обязаны мне сформулировать хоть сколь-либо конкретные обвинения или подозрения. Они могут вырастать из фактов, из жалоб, из чего-то конкретного. А моя обязанность – прокомментировать эти факты или жалобы. Я не могу комментировать ничего, пока это «ничего» не сформулировано. Вы все-таки ведете inquiry, опрос, а не investigation, следствие. Мне ничего не останется сделать, как пожаловаться руководству банка.

– Это ваше право. Но вы теряете дорогое для вас время, которое могли бы использовать для того, чтобы рассказать нам всю правду, дать нам возможность сделать благоприятные для вас выводы. Ведете себя конфронтационно, не хотите с нами сотрудничать, угрожаете жалобами... Мы это тоже фиксируем. Вот, например, скажите нам, знаком ли вам человек по имени Артем Шестопалов?

– Конечно, это мой бывший сосед в Москве, а теперь он часто приезжает в Лондон.

– Как бы вы охарактеризовали свою связь с этим человеком?

– Послушайте, я возражаю против слова «связь». Это мой приятель, я вам уже это объяснила. Я считаю неправомерным обсуждать моих приятелей, соседей, друзей и так далее. Вы что, расследуете мои отношения с Артемом? Нет? Тогда почему вы о них спрашиваете?

– Значит, вы отказываетесь отвечать на вопрос о том, что вас связывает с Артемом Шестопаловым? Вы платили ему деньги?

– Нет.

– А вот у нас есть сведения, что вскоре после переезда в Лондон вы выписали ему чек на тысячу фунтов.

– Это было связано с тем, что по приезде в Лондон я жила больше месяца в его квартире, пока искала постоянное жилье.

– Значит, вы опять сказали неправду и опять взяли тут же свои слова назад под давлением неоспоримых фактов.

– Тысяча фунтов, которые я перевела Артему, лишь подтверждает, что мы приятели. Он сделал мне любезность, предложив пожить в его квартире, которой в тот период сам не пользовался. Он отказывался за это брать деньги, но мне казалось неприличным пользоваться квартирой задаром. Поэтому тысяча фунтов за полтора месяца – это просто жест признательности. Это не коммерческие отношения.

– Он не хотел с вас брать деньги. Что же он хотел получить взамен оказанной услуги? Вы обещали ему лоббировать его проекты в банке? Он поэтому сдал вам квартиру почти бесплатно?

– Ричард, я не хочу больше вести разговор в таком духе. Можете считать, что я устала или что хотите. Сформулируйте мне, какие у вас еще есть ко мне вопросы, я их запишу, обдумаю вечером и отвечу на них завтра.

Они еще препирались где-то около получаса. Шуберт и его коллега то начинали диктовать ей список вопросов, то прерывались и просили прокомментировать какие-то ее черновые записи. Предъявляли ей для объяснения какие-то древние счета за ремонт ее квартиры в Лондоне, требовали объяснить, почему она оплачивала ремонт в квартире со счета своей

компании – если это, конечно, был действительно ремонт. Варя продолжала настаивать на том, что разговор надо упорядочить, но разговор не упорядочивался, а только разрастался как дымное облако ее неосязаемой вины. Он был как вязкая тина, в которой невозможно найти точку опоры, поставить ногу и двигаться дальше.

В шесть она наконец развязалась с шубертовской компанией и, заскочив на секунду в офис для ободрения личного состава, вылетела из банка пулей, как и накануне, с протянутой навстречу кэбам рукой.

Здание, в котором работал ее новый юрист, было не в пример скромнее дворца Мартина. Ее проводили на четвертый этаж, усадили в переговорную. Через пару минут вошел высокий темноволосый, сероглазый, с тонкими чертами лица и располагающей улыбкой мужчина, показавшийся Варе очень молодым, моложе сорока.

* * *

Еще не было восьми, когда Мэтью вышел из подъезда дома Грейс. Ясное сентябрьское утро, над Лондоном прозрачные облака, которые в буквальном смысле слова парили в бледно-голубом небе. Он свернул за угол, подождал с минуту, пока не показался кэб, махнул рукой. Сев, стал просматривать почту, скопившуюся за ночь. На экране телефона высветился звонок:

– Мэтт, это Джереми. How are you doing, guy?

– Fine, thank you, terribly busy, but that's normal.

– Мой партнер, Мартин, попросил меня одной дамой заняться, но я под завязку занят, хочу тебя попросить.

– У меня столько всего, что не переварить. Мы же не то, что вы в DLA. Это у вас уголовных адвокатов подкармливают коммерческие. А у нас маленький уголовный бутик, нас только ноги кормят. Сам знаешь, у нас у каждого клиентов больше, чем стоило бы по-хорошему.

– Мэтт, это особенное дело. Я бы и сам взялся, но, правда, не могу. К тому же эта женщина от Мартина пришла, не хотелось бы направлять ее к первому встречному. Ты же у нас самый лучший.

– Джереми, я уже сказал, у меня под завязку.

– Мэтт, она русская, дело с международным размахом. Как раз по тебе. Мартин ее знает много лет, говорит, вполне smart. У нее в Инвестбанке корпоративное расследование, там работы-то всего – ее консультировать, пока оно идет. Ни допросов, ни поездок в тюрьму, ни судов. Ты в топ-десятке, ты обаятельный, чуткий. Ну что тебе стоит? Кстати, знаешь, кого прислали ее допрашивать? Твоего заклятого друга Шуберта!

– Корпоративное расследование, на которое вызывают из Вашингтона следователя? Бывшего главного фэбээровца по белым воротничкам? А чего она натворила?

– Откуда я знаю! Мартин тоже особо не разбирался. Так, договорились?

– Ладно, присылай.

Мэтью позвонил по телефону, оставленному приятелем, наговорил сообщение на автоответчик и занялся делами. К обеду, когда он уже почти забыл об утреннем разговоре, раздался звонок. Женский голос на неплохом английском невнятно и путано объяснял в целом тривиальную ситуацию. Баба что-то с кем-то не поделила, вот ее и мордуют. Был бы криминал, передали бы сразу в полицию, сами мараться не стали бы. Значит, разбираются по внутренним процедурам, но при этом зачем-то привезли Шуберта. Мэтью становилось интересно.

Ближе к семи ресепшн доложил, что к нему пришел «visitor». Мэтью захватил блокнот и спустился в переговорную. В комнате сидела растрепанная женщина под пятьдесят со

скорбным выражением лица. Мэтью видел такое выражение по шесть раз в году все последние двадцать лет. Женщина пила чай, а свой скарб разложила по всему офису. Типично русская тетка, что толпами ходят с кошелками по «Хэрродсу»: Мэтью отметил, что сумка, как водится у русских, Louis Vuitton, а на неряшливо брошенном на стул пальто с вывернутым наизнанку рукавом нашит лейбл Dolce&Gabbana. Удивительное дело, насколько русские любят покупать все одинаковое, платят totally insane money только за бренды и в результате все ходят, как в униформе, – за километр видно, что русские. Мэтью отбросил эти ненужные мысли и настроился на душевный профессиональный разговор.

– Ну что, Варвара, отбились? Теперь рассказывайте мне все спокойно, с самого начала и по порядку.

Мэтью внимательно слушал сбивчивый рассказ женщины о событиях последних суток ее жизни. Отключался от ее эмоциональных отступлений, записывал факты, переспрашивал, уточнял. Женщина нервничала и все пыталась объяснить ему что-то, чего, по ее мнению, Мэтью не понимал. Мэтью не понимал только появления Шуберта, все остальное было тривиально. Это объяснение он найдет позже, а пока его дело – составить из путаного рассказа ясную канву и поддержать женщину, чтобы она собралась и включила мозги. Если они у нее есть. Возможно, она и smart, как с чужих слов сказал утром Джереми, но Мэтью пока этого не заметил. Собственно, ему это все равно. У него бывали всякие клиенты, умные, неумные... Раз взялся, надо работать.

– Варя, – так вас правильно называть, да? – вы попали в серьезную ситуацию, и необходимо, чтобы вы это хорошо понимали. Все это – типичный Шуберт. Я с ним пару раз сталкивался на кейсах других моих клиентов. Он следователь, прокурор. И он не вел с вами собеседования, вы правильно это оценили. Это его стандартный перекрестный допрос, он пытался вас запутать, подловить на неточностях, обратить каждое ваше слово против вас. Подобным он занимался всю жизнь, он ничего другого не умеет делать. Я очень удивлен, что ваш банк пригласил именно его. Здесь есть какая-то подоплека, несомненно. Но сейчас не стоит на это отвлекаться, у нас будет время обсудить все подробно, с самого начала. Ведь начало – это не вчера, когда вы получили то самое письмо. И, возможно, даже раньше, чем этот человек, – Мэтью заглянул в свои записи, – Сериков, написал на вас жалобу. Мы не знаем, где начало. Об этом у нас тоже будет время поговорить потом. Сейчас главное, чтобы вы поняли, что Шуберт лихорадочно ищет любые факты, слова, записи, которые вам можно инкриминировать. Он заточен только на это. Вот, например, его вопрос про... – он опять заглянул в свой блокнот, – человека, в чьей квартире вы жили. Это типично легкий вопрос, который задают после вашего заявления, что вы не согласны с методом ведения допроса. Шуберт считает, что вы, услышав легкий вопрос, обрадуетесь и ответите. И вы именно это и делаете, как же иначе. Вы ведь обычный нормальный человек, вам скрывать нечего, в вопросе нет подвоха. Пока нет! С вами не было адвоката, который понимал бы технику допроса Шуберта. Шуберт тут же цепляется к вашим словам, вы уже оправдываетесь, он вас путает дальше, создавая картину, будто это вы путаетесь, меняете свои показания, что-то недоговариваете. Он рассчитывал, что, как только вы окончательно запутаетесь, он задаст вам какой-то, по его мнению, «трудный» вопрос, вы на него не захотите ответить. А ведь еще минуту назад охотно говорили о своем приятеле. Это покажет ему, что тут-то и находится болезненная точка, что в этом направлении надо дальше копать.

– Да, я понимаю.

– Я вас не пугаю. Ситуация хоть и очень серьезная, но вполне типовая. Не вы первая, не вы последняя. Она необычна только для вас, что совершенно понятно. Но для меня она стандартная. Если вы захотите, чтобы я представлял ваши интересы, мы с вами вместе будем над этой ситуацией работать, только и всего.

Мэтью знал, что на этом этапе разговора иногда клиенты начинают говорить о деньгах. Говорят, что подумают, сравнят его, Мэтью, с другими адвокатами. Это бывало не всегда, но когда случалось, раздражало Мэтью до крайности, потому что высвечивало людскую глупость. Во-первых, могли бы прикинуть до встречи, идут ли они к первому встречному или именно к Мэтью Дарси. Во-вторых, могли бы заранее узнать цены и понять, что его ставки не драконовские. Наконец, могли бы сообразить, что в уголовном преследовании дорога каждая минута, а мотаться по адвокатам, прикидывая, как бы не переплатить, – вообще идиотизм, не сумку же выбираешь, а человека, которому доверяешь судьбу. Этой женщине, судя по ее потухшим глазам, было не до шопинга, она сказала:

– Мэтью, я хочу, чтобы вы представляли мои интересы. Вас порекомендовали люди, которых я давно знаю и которым доверяю. Вы сразу откликнулись. У меня нет ни сил, ни оснований искать другого адвоката.

– О’кей. Тогда давайте сначала поговорим, как вам довести это так называемое «собеседование» до конца. Хочу, чтобы вы понимали, что оказались в ситуации, которая хуже положения обвиняемого в криминальном следствии. Вы уже ухватили суть принципа естественного права. Все внутриведомственные расследования основаны на том, что человеку излагают факт или историю, которые потенциально порочат его, и дают возможность изложить собственную версию. А вас подвергли перекрестному допросу. Это техника допроса людей, *обвиняемых* в преступлении. Даже при предварительном следствии считается некорректным ее применять к подозреваемым. Но обвиняемые имеют право на защиту, на присутствие адвоката, который ограждает допрашиваемого от произвола, от запугивания и запутывания, которому вас подверг сегодня Шуберт. А вас и этого права лишили. Очень интересно!

– Да, все было именно так. Я рада, что вам интересно.

«Надо же, ирония!» – подумал Мэтью, водя ручкой по блокноту и не показывая своему новому клиенту, что услышал подтекст последней реплики. Вслух же сказал:

– Вы сегодня сделали много ошибок. Волей-неволей позволили им втянуть себя в разговор по существу, но без правил, в рамках *полной презумпции виновности*. Это серьезная ошибка. Если бы я был рядом или если мы встретились бы вчера, многое было бы по-другому. Но теперь это уже не имеет значения. Вы сказали им, как я вас просил, что завтра вы хотели бы начать попозже?

– Да, мы начинаем в одиннадцать.

– Отлично. Значит, в восемь я вас жду. За ночь еще раз прочитаю все, что записал, утром мы все обсудим, и вы пойдете разговаривать с Шубертом спокойная и подготовленная. Устраивает?

– Конечно. Спасибо вам.

– Все будет хорошо. Вы молодец. Я вас покритиковал, чтобы вам просто была яснее логика этого следствия. Большинство людей в подобной ситуации сделали бы гораздо больше ошибок. А вы хорошо держали удар. Так что отдохните сегодня, это главное. Сил вам понадобится много, работа будет долгая, так и настраивайтесь. Причин впадать в отчаяние никаких нет, Варя, вы слышите меня? Так что, до завтра? Восемь для вас не рано?

Это Мэтью спросил из чистой вежливости, на автомате. Было видно, что если бы он предложил этой женщине пить чай в его офисе и разговаривать всю ночь, та была бы только рада. Ей было страшно. Но Мэтью видел теперь, что уже не так страшно, как в начале разговора. Ее глаза делались все более осмысленными. Вполне возможно, что она действительно smart.

– Вы кому-нибудь рассказывали об этом расследовании?

– Кроме Мартина, никому, но, конечно, мои сотрудники представляют себе, что происходит.

– А семье? У вас есть муж? Дети?

– Есть. Я им ничего пока не говорила.

– Я вас прошу, обязательно расскажите хотя бы мужу.

– Зачем его нервировать, он же мне ничем не поможет...

– Дело не в его чувствах. Шуберт ему может позвонить, застать врасплох и вынудить отвечать на какие-то вопросы. Надо, чтобы ваш муж был готов к этому и просто отказался бы с ним говорить. В отличие от вас, у него нет обязательств перед банком, и Шуберт для него никто. Что бы он ни сказал, даже самое безобидное, все будет использовано против вас. Объясните ему это.

– Хорошо.

– Ну вот, теперь наконец прощаюсь с вами до завтра. – Мэтью мило улыбнулся. Они встали, дошли до лифта. – Варя, – он протянул ей руку, – рад был познакомиться.

Варя на метро доехала до дома, побродила по квартире, собираясь с духом позвонить Ивану. Сейчас он еще живет, ничего не подозревая, а через минуту она взорвет его мир... Варя набрала вашингтонский номер, хлопнув для куражу стопку текилы. «Вань, только без паники, ладно?...» – она в третий раз в этом разговоре прожила прошедшие сутки. Иван отреагировал по-мужски, спокойно, сказав лишь «бедный Вареныш». Варя не была точно уверена, насколько он прочувствовал катастрофичность ситуации, но если даже и нет, то и к лучшему. Пусть осознает постепенно, от глупостей она его – и себя – оградила с помощью Мэтью. Остальное сейчас не так важно.

Утром она натянула первое попавшееся платье, собрала волосы в конский хвост – укладываться феном не было ни желания, ни времени, – накинула плащ и поехала на Чансери-лейн.

– Варя, доброе утро! – с утра Мэтью выглядел старше, чем накануне, и показался Варе более начальственным. Она приготовилась его слушать, хвататься за каждое его слово, как за соломинку.

Мэтью опять разглядывал своего нового клиента: Варя была пособраннее, чем накануне, но выглядела какой-то серой мышкой. Странное коричневое платье с белой блузкой под ним смотрелось как школьная форма, волосы затянуты в pony-tail, на стуле белый плащ Burberry, другой вид униформы русских. Ни стиля, ни привлекательности. Но что не полная дура, это точно.

– Я окончательно утвердился во мнении, что вам не следует больше о чем-либо говорить. В том, что заключение Шуберта будет плохое, обвинительное, уже сомневаться не приходится. Думаю, оно у него уже вчерне написано. Поскольку вы вчера уже по сути сказали, что не хотите разговаривать без конкретики, а ему страшно хочется услышать от вас еще что-то, что раскрасит его доклад новыми красками, я думаю, он может пойти на какую-то провокацию. Чтобы вас полностью деморализовать и заставить говорить все подряд. Сейчас уже девять? Позвоните-ка в свой офис, узнайте, нет ли новостей. Звоните с этого телефона, не трогайте свой мобильный.

– Ирина, как у вас дела?

– Варвара Васильевна, я как раз писала вам текст, чтобы вы позвонили. – Помощница, несмотря на свою обычную выдержку, говорила крайне нервно. – У нас ночью был обыск в офисе. Все перевернули вверх дном, забрали все компьютеры. В офисе только что пух от вспоротых подушек не летает. Все книги, папки – на полу. Я спросила у IT, в чем дело, а они мне так спокойно сказали: «У вас был обыск, мы сейчас скачаем все с ваших хард-драйвов и вернем компьютеры к обеду». Я спрашиваю их: «А в связи с чем?» – а они мне опять так спокойно: «Потому, что против вашего офиса идет расследование...» Представляете? – Ирина пыталась взять себя в руки, но слышно было, что она на пределе. Варя пересказала разговор Мэтью.

– Я так и думал. Вы и весь ваш офис были в отпуске весь август. Шуберт уже весь офис пять раз мог обыскать. Нет, надо было это еще раз сделать напоказ. Стандартная провокация. Ну, нет худа без добра. Сейчас придете и скажете Шуберту следующее... Поняли?

– Да, я все записала.

– А вечером, – он взглянул в свой календарь, – приезжайте, скажем, часов в пять.

Мэтью снова проводил ее до лифта.

Варя открыла дверь комнаты допроса. Шуберт и его подручный стояли у окна, беседуя. Щуплая девица молча сидела за своим лэптопом.

– Продолжим. Сейчас одиннадцать утра десять минут, мы продолжаем интервью с руководителем российского офиса Варварой... – сказал Шуберт в микрофон. – Мы задали вам вчера перед завершением работы ряд вопросов, которые вы записали. Мы дали вам время на обдумывание, теперь ждем ответов.

– Я проанализировала ваши вопросы, посмотрела свои записи, чтобы дать вам как можно более обстоятельные и правдивые ответы. Эти ответы у меня есть. Однако, к сожалению, утром я узнала, что в процессе вашего расследования за ночь произошла существенная эскалация. Вы произвели обыск без моего присутствия или уведомления. Вы забрали компьютеры, парализовав тем самым работу офиса, преследуя попутно и цель деморализовать, запугать моих сотрудников, которые утром пришли к столам, где были вверх дном перевернуты все документы, все папки. Я сделала вчера ряд заявлений о том, что считаю ваше «интервью» не объективным, не исходящим из презумпции невиновности, предубежденным и нацеленным на то, чтобы получить как можно больше моих высказываний, которые вы используете затем как инкриминирующие меня. События прошедшей ночи лишь утвердили меня в моем убеждении о грубых нарушениях и предвзятости вашего расследования. Исходя из этого, я хочу заявить следующее: я отрицаю какие бы то ни было нарушения внутренних Правил банка, за исключением моей ошибки, допущенной по небрежности, которая состоит в нераскрытии офшорной компании на формулярах банка. За эту ошибку я обязана и готова принести извинения как руководству банка, так и своему руководству в Москве. Вместе с тем заявляю, что в этой компании сосредоточены мои личные финансы. Более того, они раскрывались на формулярах банка все эти годы. Если бы у комплайенса имелись бы вопросы в связи с этими средствами, то у них было время обсудить это со мной. Вы их обсуждать не уполномочены. Иные нарушения внутренних Правил я, повторяю, отрицаю. Надеюсь, что эти слова останутся в стенограмме нашей «беседы». Доказать отсутствие нарушений я не могу, потому что вы не сформулировали ни одного конкретного нарушения. Это само по себе является фундаментальным и намеренным нарушением принципов любого служебного расследования. В этой связи, исходя из собственных интересов, из интересов сотрудников моего офиса и моего российского руководства, я не буду далее отвечать на ваши вопросы.

– Это не в ваших интересах, Варвара, – Шуберт пустился в ответную речь. Варя молчала и записывала за ним, что успевала. Он вновь предложил ей продолжить разговор. Его коллега задал ей какой-то простой и нейтральный вопрос. Она записала его и подняла глаза на собеседников.

– Так что, вам нечего сказать даже по такому простому вопросу?

– Почему нечего? Но я уже заявила, что больше не буду отвечать на вопросы.

Шуберт и его коллега переглянулись и вышли из комнаты. Варя и щуплая девица сидели по разные стороны стола, молча глядя друг на друга. На лице девицы вообще не было никакого выражения, она не видела в Варе человека. Варя была спокойна. Мэтью ей очень помог, она была уже не одна. Минут через десять мужчины вернулись. Сев за стол, они как ни в чем не бывало задали ей следующий вопрос. Варя его записала.

– Ну, – сказал Шуберт, – будете отвечать?

– Нет.

– Понятно, вы не можете ответить на этот вопрос. Тогда у нас к вам есть еще один вопрос, может, вы сумеете ответить хотя бы на него...

Они бились с ней еще не меньше получаса. В двенадцать они, произнеся под запись какое-то гадкое заключительное слово, попрощались с ней по очереди за руку. Варя пожелала им хорошей дороги домой.

Она вернулась в офис, там уже все было более или менее прибрано, сотрудники сидели, угрюмо уткнувшись носом в бумаги.

– Ну что, сходим все вместе на ланч? – предложила Варя...

После ланча она сказала ребятам, что ей надо ненадолго пойти по домашним делам. Решила немного прогуляться. Чудный теплый сентябрьский денек. Когда она могла позволить себе роскошь просто побродить по улицам среди дня? Спешить, ломать голову над поступившими документами сейчас незачем, надо думать, какой будет новая жизнь. В пять она вошла в угловое здание, где сидел Мэтью.

Мэтью спустился в переговорную и удивился, что его новый клиент опять неуловимо поменялся. Варя как будто даже помолодела, а ее наряд, казавшийся утром странным, теперь придавал ей вид скорее симпатичной школьницы, нежели серой мышки. Во всяком случае, от растрепанной новорусской тетки с магазинными кошелками, которой она ввалилась к нему в офис накануне, не осталось и следа. «Какие пятьдесят! – промелькнуло у него в голове. – Сорок с хвостиком, не больше». Заглядывая в свои шпаргалки и вздыхая время от времени, как школьница у доски, новый клиент рассказывала ему, как прошел остаток собеседования.

– Могу себе представить, как разозлился Шуберт. Это ему не людей, сидящих в камере, допрашивать. – засмеялся Мэтью. – Давай, Варя, начнем работать, спокойно и системно. Расскажи мне в хронологическом порядке все события твоей жизни, которые так или иначе попали в поле зрения Шуберта.

– Сейчас расскажу, подожди. После обеда Шуберт поочередно допросил всех моих сотрудников.

– Вот как? А что, против них тоже открыто расследование?

– Нет.

– Еще одно нарушение. Ну и как они?

– Нормально. Они молодцы. А что они могут ему рассказать? Разговор-то со мной был, сам знаешь, больше про мою компанию, про мои личные финансы. Шуберт про это же и расспрашивал моих ребят. Они про это ничего не знают, их это никогда не касалось. А как мы работали, Шуберта интересовало мало.

– Ладно, тут мне все ясно. А сейчас расскажи мне весь круг своих обязанностей, как у вас построена работа, какими правилами регулируются твои отношения с президентом банка, с коллегами, с Москвой. Кому ты подчиняешься там и как организовано взаимодействие...

Вопросам не было конца. Они были простые, и Варя то и дело приходила в недоумение: неужели надо объяснять такие простые вещи? Она сама никогда не пыталась осмыслить всю систему своей работы, воспринимала ее как данность. Поняла, что Мэтью хочет понять устройство банка до тонкостей, чтобы встроить в этот контекст факты, связанные с расследованием. Они проработали до позднего вечера.

– Я в воскресенье вечером полечу в Москву.

– Правильно. А как ты сегодня проинформировала руководство?

– Послала сухой факс на полстраницы.

– Правильно. А с кем будешь встречаться в Москве?..

Они проговорили еще полчаса. Мэтью сделал еще один шаг к пониманию устройства ее рабочего мирка. Потом распрощались, договорившись, что в понедельник она ему позвонит...

В Москве Варя пробыла три дня. Конечно, все восприняли происшедшее как ЧП вовсе не районного масштаба. Она решила не говорить пока с первыми лицами. Материала мало, и пусть лучше первых лиц к новой ситуации подготовят их заместители. Ей пока нечего предложить. А рассказывать, как ее допрашивал Шуберт, – для этих подробностей и деталей правильные собеседники как раз люди ее уровня. Помимо чиновников, повстречалась с двумя-тремя бизнесменами из первого эшелона, отношениями с которыми особенно дорожила. Пусть они узнают все от нее, а не от других. К ней возвращалось если не спокойствие, то, по крайней мере, понимание, что и зачем она делает. Она потихоньку привыкала к новой реальности. Разговоры с коллегами помогали ей самой формировать собственную оценку происшедшего, в котором самое гадкое было то, что это репутационный удар по правительству, и она, так или иначе, к этому, как минимум, причастна.

Варя вернулась в Лондон и на следующий день появилась у Мэтью.

– Ты хорошо выглядишь. Пришла в себя. Как прошли встречи в Москве? Рассказывай, что считаешь нужным. Мне важно знать все, потому что от позиции Москвы, от того, насколько тебя будет поддерживать твое руководство, будет зависеть во многом наша с тобой линия в отношении доклада Шуберта, когда этот доклад появится.

Они проработали опять часа два, Варя прикидывала в уме, во что ей только в этом месяце обойдется Мэтью, и скрипела зубами. Да уж, влипла. Но тут уж ничего не поделаешь.

– Так, давай наметим план на понедельник. Ты ведь сможешь прийти в понедельник? Мне лучше ближе к вечеру.

– Как скажешь, у нас после пяти только текущая работа, заседаний не бывает.

– К пяти и приходи. Сегодня попроси, чтобы тебе прислали все счета из Швейцарии. Все сама проанализируй, постарайся припомнить каждый платеж. Это твое домашнее задание на выходные, а в понедельник будем это вместе разбирать.

– А Шуберт меня ничего про это не спрашивал. Эта тема не может возникнуть в его докладе.

– Во-первых, не только может, но и обязательно возникнет. Шуберт не спрашивал, потому что не было смысла – он же не сможет перепроверить. Он сам напишет, что вы там лоббировали русские проекты, а ты собирала за это деньги на своем офшоре.

– Но это же будет клевета. Совершенно бездоказательная. Это «во-первых». А что «во-вторых»? Я тебя перебила, извини.

– А во-вторых, это нам все равно понадобится, если внутреннее расследование перерастет в уголовное.

– Что?! Как это может быть?

– Как это может быть, я не знаю. И не утверждаю, что есть серьезная вероятность такого поворота. Но ничего нельзя исключать. У Шуберта по прошлой работе самые тесные связи со следственными органами Великобритании, да и многих других стран. У руководства твоего банка – тоже. Сейчас не надо тратить время на размышления, у кого какие мотивы. Сейчас мне надо хорошо понимать фактическую сторону дела.

– Мэтью, этого не может быть! Скажи, что этого не может быть.

– Этого скорее всего не будет. Но я твой адвокат, Варя. Я обязан предвидеть самые плохие варианты. Этого нельзя полностью исключать.

– Мэтт, но ведь для полиции должны быть какие-то основания этим заниматься. А что тут есть? Непонятная жалоба, которую никто в глаза не видел, а в остальном куча грязных предположений Шуберта, под которыми не будет никакой основы. Потому что ее нет, этой основы! Никто не платил мне денег! Если даже предположить, что кто-то скажет иное, это будет всего лишь новая клевета. Ведь фактов нет и быть не может!

– Более того, не видно и мотивов. По крайней мере, у твоего банка. Зачем им нужен такой скандал? Тем не менее, как говорится, надейся на лучшее, готовься к худшему. Ты только знай, что даже это – не конец света. Мы справимся и с этим, если, не дай бог, придется.

– Мэтью, ты меня сейчас просто... Ну ладно, это все эмоции. Между тем я должна тебе еще кое-что рассказать...

– Рассказывай все, что считаешь нужным. Никогда не знаешь, что относится к делу, что нет.

– Ты знаешь... В общем, Мэтт, у меня тут есть друг...

– Друг...

– Ну да. В общем, у меня достаточно близкие отношения с одним человеком. Он из Германии, глава одного представительства... тут, в Лондоне. Он по роду работы иногда контактирует с нашим банком, мы так и познакомились... Ну, вот. Я не знаю, имеет ли это отношение к нашей с тобой работе...

Мэтью впервые за этот разговор поднял голову от своих бумаг и уже с нескрываемым интересом посмотрел на Варю. Школьница в коричневом платье смотрела ему прямо в глаза, слегка смущенно. Не глаза, а глазищи! А он только сейчас заметил...

– Я не знаю пока, имеет ли это отношение к ситуации, но я себе пометил.

– Я как раз сегодня вечером собиралась к нему. Не знаю, как лучше... Мне стоит ему рассказать про эту историю?

Мэтью снова посмотрел на нее с интересом. Интерес был только в глазах. Лицо хранило полную невозмутимость:

– Варя, тут я тебе ничего не могу посоветовать. Ты доверяешь этому человеку?

– Я уже не знаю, кому я доверяю, кому нет.

– Ты сама ответила на свой вопрос. Тогда не рассказывай.

Варя вышла из офиса Мэтью и направилась к метро. Не на свою ветку, а на Северную, которая вела в Белсайз-парк, где жил Рольф. Всю дорогу она размышляла, как ей лучше поступить.

* * *

Варя и Рольф познакомились почти три года назад. Сначала походы по музеям и театрам, прогулки по выходным. Оба были люди одинокие, по крайней мере, в Лондоне, если говорить о Варе. Рольф же был вообще холостяк. Затем начали делать воскресные вылазки по окрестностям Лондона – Блэнем Палас, Оксфорд. А потом пошло-поехало... Длинные уик-энды в деревушках Котсволда, на побережье Корнуэлла. Поездка в Шотландию на день рождения Рольфа.

Рольф возил Варю в Германию, показывал свой родной город Гамбург с его удивительной архитектурой, знакомил с друзьями. В Лондоне иногда присоединялся к ужинам с приятелями Вари из Москвы. Иван, конечно, знал, что у Вари есть какой-то поклонник из Германии, но не интересовался им, понимая, что Варя не может столько лет одна ходить в музеи и театры и сидеть одна дома все уик-энды. Иногда Рольф говорил о любви, но Варе казалось, что это лишь дань условности, считается, что женщина всегда ждет от мужчины таких слов. Про себя она могла сказать, пожалуй, лишь то, что она к Рольфу очень хорошо относится. Это только на первый взгляд кажется обыденным, не романтичным, а, если вдуматься, это так много...

Рольф снимал в Лондоне полдома с террасой, рядом с громадным лондонским лесопарком. Варя любила бывать там в выходные, это было почти как на даче, они с Рольфом так и называли его дом – Datscha. На Datsch'е по субботам Варя готовила, потому что рестораны за неделю надоедали. Варина семья в Америке Рольфа особо не интересовала, ему

было вполне достаточно, что в Лондоне она рядом. Когда один уезжал куда-то, другой не расстраивался и не тосковал.

Рольф помогал ей учить немецкий, восполнял пробелы в ее понимании политики. Она открывала ему глаза на английскую литературу, с которой тот не был знаком. Они вместе читали немецкие газеты и английские романы. Варя привозила русские фильмы из Москвы и, не считая это тяжкой работой, синхронно переводила ему «Покровские ворота», «Рабу любви», «Иронию судьбы». Рольф смеялся над коммунальным очагом у Покровских ворот, над фразой «Да я за гараж Родину продал...». Из последней поездки в Москву она обещала ему привезти роман «Околоноля» – он откуда-то даже и про это слышал. Но в этой поездке ей было не до книжных лавок.

Рольф был, как сказали бы русские, «правильным и педантичным человеком». Он тщательно заполнял налоговые декларации, сверяя по телефону каждую цифру с налоговой инспекцией Гамбурга. Не мог допустить никакой неточности, не говоря уже о нечестности. Прямой, честный, верный. Варя иногда называла его «моя собака», в нем и правда были надежность, преданность, но и страшное упрямство, готовность внезапно начать лаять. Иногда от голода. Иногда просто чтобы показать, кто на самом деле хозяин. Иногда просто чтобы огрызнуться и лязгнуть зубами. Как истинная собака, он также любил, чтобы его гладили по голове, чесали за ушами, вкусно кормили. Умел и умильно повилять хвостом, когда шкодил. В каком-то смысле Рольф был непознаваем. Мог с удовольствием часами рассказывать о своей жизни, а то вдруг от простого вопроса уходил легко и с улыбочкой: «А зачем тебе это знать?» Например, когда она спрашивала о женщинах в его жизни. В их отношениях не было надрыва, может быть, не было и особого полета, но не было и игры. Эта спокойная, чуть ироничная привязанность друг к другу делалась с каждым месяцем все глубже.

Стоит ли ему все рассказывать? Как объяснить «Собаке», что этот треклятый офшор с его мизерными цифрами она по русскому «а че такого?» как-то упустила записать в их внутреннюю, банковскую «декларацию»? Рольф не сможет этого понять.

«Собака» радостно встречал ее у метро – они не виделись с тех пор, как она уехала в Москву, – вилял хвостом, не от вины, от радости, что видит свою хозяйку. Они пошли ужинать в их обычный ресторан за углом, который называли «наша дачная кантина». Рольф радостно рассказывал ей о своей неделе, о событиях на работе, спрашивал ее про поездку в Москву, а она думала, что ей предстоит прожить снова в очередной раз все ужасы последней недели и разрушить безмятежность мира еще одного близкого человека...

– У меня неприятности, «Собака», – сказала она с виноватой улыбкой.

– Что случилось?

– Давай будем считать, что я тебе доложилась. Чтобы ты потом не кричал на меня: «Почему ты мне сразу не сказала?!» Но мне сегодня неохота про это говорить, ладно? Я так устала в Москве. Давай просто сегодня отдохнем, сегодня пятница, надо только радоваться началу уик-энда. А поговорим про все завтра.

– Ох, ты и шельмочка. Как хочешь. Наверное, не трагично, судя по лицу.

– Конечно, не трагично, все живы, мы с тобой винцо попиваем, утром гулять пойдем. Но поговорить, конечно, надо.

– Хорошо, Madchen, завтра расскажешь. Это твое естественное право, рассказать мне, когда ты будешь к этому готова. Пошли? Предлагаю кофе пить дома, на террасе, с сигареткой. Смотри, как темно и сколько звезд. Ты на небо-то хоть иногда смотришь? Идешь, вечно глядя себе под ноги.

– А ты бы сам походил в туфлях на каблуках, тогда бы не задавал глупых вопросов...

– Завтра выходной, пойдем в лес гулять. Тебе хорошо на даче, Madchen?

– Мне хорошо с тобой, «Собака». Punkt.

Глава 5
А праздники никто не отменял

К полудню следующего дня, когда Варя закончила свой рассказ, Рольф поразил ее не меньше Ивана. Никакого заламывания рук, которого она ожидала от Ивана, и никакого чтения морали, чего она ждала от Рольфа. Рольф гуглил Шуберта, расспрашивал Варю о ее разговоре с Марией. Не преминул, конечно, спросить, какого хрена она одолжила деньги своему помощнику, ведь еще год назад сама спрашивала его, Рольфа, можно ли это делать. Он ей тогда ясно сказал, что делать этого нельзя категорически. Варя видела, что у Рольфа просто язык чесался добавить что-то и про ее офшор, но он сдержался. Вообще повел себя как настоящий мужчина. «Значит, мы должны через это пройти», – был его вердикт. Этим все было сказано.

– Ты дурочка все-таки. Сколько раз я тебе говорил: ты слишком много о себе рассказываешь, постоянно теряешь всякие бумаги, легкомысленно относишься к деньгам. Безответственный, глупый ребенок. Теперь я буду тобой руководить. Ты будешь мне все-все рассказывать? Просто поражаюсь, насколько ты не понимаешь жизнь. Хорошо, что хоть сообразила адвоката взять. Откуда он? Что ты про него знаешь?

Вопросам не было конца. В них было столько заботы Рольфа о ней, Варе. У Вари на душе становилось все спокойнее. Уж с Рольфом-то – в придачу к Мэтью – она точно не пропадет. Как же она недооценивала «Собаку», умного, опытного, чуткого, с большой упрямой головой, в которую упакованы великолепные мозги. С его преданным сердцем, которое сейчас живет ее, Вариной, бедой. «Собака, милый мой Собака, – шептала она Рольфу, – спасибо тебе, что ты меня понял и принял весь этот кошмар, который я сотворила собственными руками. Не бросил меня в беде». – «Не говори глупостей, как я тебя брошу? Мы должны это пережить и перебороть. Wir mussen durch. Не думай сейчас об этом, тебе сейчас надо просто гулять, отдыхать. День прекрасный, осень, пора красок». Но не проходило и пяти минут, как Рольф снова задавал ей очередной вопрос. Видно было, что он сам в тревоге. Он хотел жить ее жизнью. Действительно, не было бы счастья, да несчастье помогло. Вот как люди раскрываются...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.